

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ПОД ЗНАКОМ КОМЕТЫ

НИКТО КРОМЕ НАС - 9

Никто кроме нас

Александр Михайловский

Под знаком кометы

«Автор, Автор»

2022

Михайловский А. Б.

Под знаком кометы / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2022 — (Никто кроме нас)

Аналог Балканских войн нашего мира завершился полным разгромом Османской империи. Павший Стамбул оборотился Константинополем, Российская империя твердо встала в Черноморских Проливах, Сербия обрела Косовский Край и разделила с Черногорией Санджак, Болгария воссоединилась в пределах территорий проживания болгарского народа, притязаниям Греции на южную Македонию положен конец. На фоне этих ярких событий происходят движения не столь заметные, но имеющие для будущего Европы тектоническое значение – такие, как распад Двойственного Союза и смерть императора-руссофоба Франца Иосифа. Теперь в будущем этого мира ничего не предрешено, у всех политических игроков есть возможность сыграть свои партии по-иному, и как вишенка на торте – летящая к земле Тунгусская комета. Главный вопрос, которым озадачены осведомленные люди – на кого пошлет Бог.

© Михайловский А. Б., 2022

© Автор, Автор, 2022

Содержание

Часть 33	5
Часть 34	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Под знаком кометы

Часть 33

Венский конгресс – 2

15 сентября 1907 года, Австро-Венгерская империя, Вена, похороны императора Франца-Иосифа.

Монархи, понаехавшие в Вену с территории всей Европы, собрались под крышей старейшего дворца австрийской столицы, заложенного еще в далеком 1279 году – в те далекие времена Габсбурги только-только утвердились на этих землях. Восточная марка (старо-нем. Ostarrîchi), впоследствии герцогство Австрия, была создана германским императором Римской империи Германской нации (т. н. Первый Рейх) Оттоном II в 976 году в качестве укрепленного форпоста на пути венгерской экспансии. Менялись владыки этого места, менялись и их враги. Неизменным был только рост влияния непомерно разросшегося государства, размерами уступавшего только евразийской империи Романовых.

Но все имеет предел, в том числе и рост австрийского могущества. В ходе истории империя Габсбургов превратилась в монархическую федерацию, ибо ее владыка носил на голове целых четыре короны: Австрии, Богемии, Хорватии и Венгрии, и плюс к тому титул Апостольского величества, позволяющий его носителю вмешиваться в процесс избрания римских пап. И эта голова с множеством корон ныне оказалась единственной объединяющей идеей лоскутного государства. Раньше в арсенале австрийских Габсбургов еще был лозунг «турки даже хуже нас», но он выбыл из употребления по причине весьма своевременной кончины Османской империи.

Итак, император Франц Фердинанд, несколько дней назад взошедший на трон своих предков, оказался последним в своем роду. Его дети не могли наследовать австрийский трон из-за того, что родились в морганатическом браке, а посему монархи, собравшиеся в Вене на похороны императора Франца-Иосифа, заодно авансом хоронили всю империю Габсбургов. Однако случиться это должно было нескоро, Франц Фердинанд в настоящий момент находился в самом расцвете сил, и если его вдруг не убьют, то проживет он еще как минимум двадцать лет. Но, в отличие от демократических политиков, думающих только в пределах электоральных циклов, монархам вменяется планировать на поколения вперед.

Некоторые из гостей австро-венгерского императора уже давно присмотрели для себя отдельные «лоскутки» его кое-как сшитой державы. Италии, управляемой Савойской династией, например, очень нравится Триест с окрестностями, сербская королева Елена прямо здесь и сейчас жаждет получить исконные сербские земли: Боснию и Герцеговину, Сербскую Краину в Хорватии, Банат и Воеводину, а главным именинником на этом банкете считается кайзер Вильгельм, ведь ему (или его наследнику) достанется главный приз – Австрия. В узких монархических кругах об этом уже известно, и коллеги по цеху (за исключением британского короля и русской императрицы) исходят по этому поводу густыми волнами зависти: дескать, а за что этому нахалу такое счастье?

Правящие в Бухаресте Гогенцоллерны-Зигмаринены еще совсем недавно облизывались на Трансильванию, но теперь, в новом качестве, им больше ничего не надо. Кстати, одновременно с другими вассальными монархами (в основном германского происхождения) вместе с русской делегацией в Вену прибыла и правящая румынская королева Мария – такой вот шокирующий каприз русской императрицы, утвердившей на вакантном румынском престоле

не наследника старого короля, а его супругу. Двадцатый век (по крайней мере, его первая половина) с легкой руки пришельцев из будущего становился веком правительниц, а не правителей.

Но главным сюрпризом, припасенным императрицей Ольгой для собравшихся в Вене правящих особ, являлся директор Пулковской обсерватории тайный советник Оскар Андреевич Баклунд. Доклад, который он собирался прочитать на следующий день после похорон императора Франца-Иосифа перед королями и императорами, в буквальном смысле произведет на слушателей взрывное впечатление – не меньше чем в пятьдесят миллионов тонн тротилового эквивалента. И даже принцессу Виктория Великобританская только в самый последний момент осведомили о грозящей миру опасности. Сначала императрица не сочла нужным пугать свою британскую кузину раньше, чем все окончательно прояснится, а потом ей на скорую руку пришлось объясняться с дочерью короля Эдуарда прямо в императорском поезде, мчавшем из Петербурга в сторону Вены. Правда, по итогам этого разговора русская императрица несколько изменила свои намерения.

Но это случится позже, а пока по улицам Вены тянется бесконечная похоронная процессия с участием высших сановников и коронованных особ со всех концов потрясенной Европы. Происходит не просто похороны старейшего монарха мира – собравшаяся на траурные мероприятия почтеннейшая публика хоронит старый мир. И в первых рядах, наряду с британской королевской четой и кайзером Германии, идет русская императрица со своим новомодным супругом, обоими братьями и сербской невесткой. Они тоже скорбят по безвозвратно умершему старому миру, в котором родились и выросли. Теперь все будет не так, как прежде, хотя русская императрица надеется, что ей удастся избежать самых тяжелых последствий.

Кстати, к величайшему сожалению кайзера Вильгельма, большого любителя всяческих скандалов, никто из венской придворной камарильи так и не рискнул нанести русской венценосной чете какого-нибудь оскорбления. Никто из патентованных великосветских бездельников не попытался задеть и честь юной сербской королевы, ибо ее супруг, болгарский царь Михаил Четвертый, известен таким же буйным и неуправляемым характером, как и у князя-консорта из будущего. Как даст в челюсть за не вовремя сказанное пакостное слово – будет потом работы дантистам вставлять выбитые зубы. И ничего не сделаешь: новый император всех строжайше предупредил, что за любой эксцесс ответственность понесет его организатор. Если русский князь-консорт или брат императрицы кого пристрелят, зарубят саблей или попростонародному набьют морду, то значит, так тому и быть. Кысмет, как говорят в таких случаях бывшие турецкоподданные. Так что визит русской делегации в Вену проходит тихо, без оскорблений и ответного мордобоя или, не дай Бог, смертоубийства.

Но вот голова колонны останавливается у венской церкви Капуцинов, после чего возглавляющий процессию герольд трижды ударяет булавой в наглухо запертые ворота храма.

– Кто идет? – глухо вопрошает с той стороны монах-привратник.

– Его императорское и королевское величество Франц-Иосиф Первый, – отвечает герольд, – Божьей милостью император Австрийский, апостолический король Венгерский, король Богемский, Далматский, Хорватский, Славонский, Лодомерский и Иллирический, король Иерусалимский и великий воевода Сербский, великий герцог Тосканский и великий князь Трансильванский.

– Мы не знаем такого, – глухо раздается из-за двери.

Герольд снова три раза бьет булавой в запертые ворота, снова монах-привратник задает вопрос:

– Кто идет?

– Его императорское и королевское величество Франц-Иосиф Первый, – снова отвечает герольд, – Император Австрийский, апостолический король Венгерский.

Но и на этот раз привратник отвечает: «Мы не знаем такого», и ворота опять не открываются. Привратник в третий раз спрашивает: «Кто идет?» – и тогда герольд коротко отвечает: «Франц-Иосиф, несчастный грешник».

В ответ в замке скрежещет ключ, ворота церкви открываются, и после исполнения древнего ритуала гроб старика Прогулкина наконец получает возможность водвориться в фамильном склепе Габсбургов. Но самые интересные последствия от съезда монархов еще впереди...

Ретроспекция от 14 сентября 1907 года, 10:05. Варшава, Императорский поезд, вагон ЕИВ Ольги Александровны Романовой.

Присутствуют:

ЕИВ Ольга Александровна Романова;

Принцесса Виктория Великобританская;

Канцлер Империи Павел Павлович Одинцов;

Первая статс-дама Дарья Михайловна Одинцова;

Директор Пулковской обсерватории, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Оскар Андреевич Баклунд.

В Варшаве русская императрица сменила поезд, пересев с Петербургско-Варшавской на Венско-Варшавскую железнодорожную линию, имеющую европейскую ширину колеи. Эта железная дорога была построена еще во времена императора Николая Первого (второй после линии, связавшей Царское Село и Петербург), когда железнодорожные стандарты в России еще не устоялись, и считалась самым прибыльным предприятием такого рода в Российской империи.

И вот императорский поезд тронулся; поплыл куда-то назад перрон Венского вокзала Варшавы, вояж российской императрицы до города Вены вступил в завершающую стадию. На следующее утро русская императрица прибудет в Вену прямо к началу официальных траурных мероприятий, а пока было время объясниться с лучшей подругой и ситуативной союзницей.

Лекцию принцессе читал Оскар Андреевич Баклунд. Тори выслушала дозволенные речи, немного подумала, посмотрела на русскую императрицу и выдала неожиданное и в чем-то даже шокирующее умозаключение:

– Понимаешь, Хельга, на самом деле нам предстоит осознать ключевой вопрос нашего бытия с тремя вариантами ответов: первый – мы имеем дело с жестко детерминированными событиями, сломать ход которых способна только облеченная решимостью человеческая воля; второй – мир вокруг нас носит истинно случайный характер; третий – все события являются отражением воли Создателя Всего Сущего. В первом случае комета, предсказанная господином Баклундом, упадет на Землю там же, где и в прошлый раз, став громким, но воистину безвредным явлением, ибо миру до взрыва в глухой сибирской тайге не будет ровным счетом никакого дела. Тогда нам придется признать, что все так называемые «случайные события» на самом деле воспроизводятся, будто записанные на валик фонографа, ибо никто из людей никаким образом не мог повлиять на случившееся. Если же комета упадет в другой части света, то станет понятно, что мир не так прост, как нам казалось прежде. Если уничтожающему удару подвергнутся пески Сахары или воды Атлантического океана, то будет ясно, что это событие стало следствием случайных колебаний неуправляемого полета небесного тела, а если комета упадет в густонаселенной местности, то это окажется свидетельством в пользу прямого проявления Господней Воли, своего рода повторение Содома и Гоморры.

– Да, сестрица, – ответила Ольга, передернув плечами, – неудобное ощущение. А вдруг все, что мы делали вместе с Павлом Павловичем, подвергнется осуждению и уничтожению со стороны Высших Сил? Именно так надо будет воспринимать падение кометы на населенные территории Российской Империи или ее союзников: Сербии или Болгарии. И даже если удару подвергнутся страны, которые заключили с нами Брестское соглашение, то ситуация

тоже получается какая-то нехорошая. Мы стремились уменьшить число человеческих жертв, отменив или по возможности сократив назревающую мировую войну, а нам вместо одобрения сих благих намерений преподносят стихийную катастрофу с миллионами погибших и еще большим количеством раненых и лишившихся крова...

– Успокойся, сестрица, и положишься на милость Божию, – сказала Виктория. – Вот увидишь, все закончится хорошо. Наверняка у господина Одинцова в запасе имеется какое-нибудь средство, чтобы остановить и отразить космический удар.

– Нет, ваше королевское высочество, – покачал головой канцлер Империи, – мы тоже далеко не всемогущи, и не в наших силах предотвращать угрозы такого масштаба. Мы можем только уменьшать нежелательное воздействие, попытаться организовать эвакуацию людей из опасных мест и ускорить ликвидацию последствий катастрофы. Вот если бы мы были у себя дома, и комета падала бы прямо на Москву или ее окрестности, то можно было бы попробовать отразить ее удар еще до того, как она вошла бы в пределы атмосферы.

– А почему именно на Москву, а не Петербург, Ригу или Киев? – с интересом спросила принцесса Виктория.

– А потому, Тори, что Москва в наши времена была защищена позиционным районом противоракетной обороны, – вместо канцлера Одинцова ответила его жена Дарья. – Дальний эшелон этой защиты как раз и был предназначен сбивать объекты, летящие в безвоздушном пространстве с космическими скоростями. Ядерный боеприпас мегатонного класса запросто превратил бы летящую комету в грудку мелкого щебня, который безвредно сгорит в верхних слоях атмосферы. Но, увы, до такого уровня науки и техники при самом форсированном развитии событий никак не менее пятидесяти лет. Ольга Александровна до тех времен доживет, а мы, ее старшие товарищи, едва ли.

– Об астероидной защите даже в наши времена задумывались по остаточному принципу, – добавил канцлер Одинцов, – и других угроз было предостаточно. Дай-то Бог нам добиться такого успеха в делах, чтобы через полвека самой страшной угрозой миру было падение кометы, а остальные проблемы были бы побеждены или хотя бы успешно решались с возможностью искоренения в ближайшем будущем. Голод, нищета, безграмотность, варварские межплеменные войны в джунглях Африки, когда одна народность ополчается на другую с целью истребить супостата до последнего человека – все это во весь рост встанет перед нами, когда мыотрегулируем отношения между европейскими странами, избавив их от кошмара двух мировых войн.

– Не забывай, Паша, – сказала Дарья, – что англичане и недавно нашкодившие французы все свое нынешнее благополучие черпают в колониальном ограблении подвластных им заморских территорий. И даже Ирландию – казалось бы, вполне европейскую страну – соплеменники душики Тори грабят со вкусом уже не одно столетие, не считая при этом ирландцев за людей. Алчность людская – вот настоящий враг современного мира, и против этого чувства бессильны проповеди гуманности и милосердия. Вот с этим врагом нам еще воевать и воевать, и комета на этом фоне – не более, чем побочное явление, которое может сыграть в нашу пользу, а может оказаться помехой; но в любом случае нельзя опускать руки.

– Так вы предлагаете ничего не менять и действовать как ни в чем не бывало? – спросила императрица.

– Да, – кивнул Одинцов. – Делайте что должно, Ваше Императорское Величество, и да свершится что суждено. И еще я бы не советовал объявлять о комете сразу и во всеуслышание. Об угрозе следует проинформировать только наших ближайших союзников по Балканскому союзу и Брестским Соглашениям, за исключением Франции.

– За что вы так не любите Францию, Павел Павлович? – вздохнула императрица Ольга. – Ведь Париж, когда цветут каштаны, или заполненная курортниками Ницца – это так красиво...

– А еще крикливо, болтливо и безнравственно, – проворчал тот. – Если вы что-то расскажете по секрету одному французу, то об этом в самом ближайшем будущем будет знать весь мир. Кроме того, их политики легковесны и легко заменяемы: на так называемых выборах их тасуют будто колоду карт с неприличными картинками, и преемники при этом не отвечают за действия предшественников. Вы помните, как легко Французская республика отказалась исполнять свои союзнические обязательства по русско-французскому договору от 1893 года только на том основании, что театр военных действий находится за пределами европейского континента? Так что нет, нет и еще раз нет: иметь дело с мусью – это себя не уважать.

– Да как вы так можете говорить, Павел Павлович?! – вскричал академик Баклунд. – Неужели вам ничуть не жалко миллионов французов, которые могут погибнуть в предстоящем катаклизме?

– Мне жалко всех, кто может стать жертвой удара, и французы не исключение, – ответил Одинцов. – Дело в том, что преждевременное обнаружение кометной угрозы, при том, что нам известно только время, но отнюдь не место предстоящего удара, может вызвать у людей приступы бессмысленной неуправляемой паники по всей Европе, во время которой может погибнуть даже больше народу, чем в самом катаклизме. Люди целые полгода будут сходить с ума от страха, и в то же время будет совершенно непонятно, в каком направлении следует спасаться, ибо опасность будет грозить со всех сторон. В то же время, если мы обнаружим координаты угрожаемой зоны уже после того, как поступят последние данные, это явление сократится как во времени, так и в пространстве. А может, и вообще никому не понадобится пугаться, потому что комета снова упадет в одном из безопасных районов, которых на планете Земля гораздо больше, чем густонаселенных мест...

– Да, – добавила императрица Ольга, – и в таком случае жертвы будут только от паники и охватившего людей всеобщего сумасшествия. Мне бы не хотелось видеть картины всеобщего одичания и краха цивилизации – а именно так и будет, если людей как следует напугать. И в то же время я уверена, что если я сообщу о возможной угрозе только своим коллегам по монаршему цеху, то они сумеют правильно распорядиться полученной информацией, максимально подготовить свои страны к действиям в чрезвычайных ситуациях и не допустить распространения паники. С демократическими деятелями все обычно бывает совсем наоборот: все разболтают, перепугают людей, а деньги, выделенные на спасение от стихийных бедствий, растащат по личным карманам.

– А у нас разве это не так? – пожал плечами Баклунд. – Мздоимство и казнокрадство наших чиновников давно уже стало притчей во языцех.

– Только не в мое царствование, Оскар Андреевич! – оскалилась императрица. – Едва я восприняла корону у моего несчастного брата, как время безнаказанности для мздоимцев и казнокрадов закончилось раз и навсегда. Служба Имперской Безопасности, подчиненная господину Мартынову, ловит таких многогрешных людей, обдирает как липку и ссылает на каторжные работы в далекие края. Есть, конечно, кое-кто, кто у нас пока честно жить не хочет, но это у них очень ненадолго, ибо мясорубка моей сыскной службы работает бесперебойно. Россия никогда не была бедной страной, просто она длительное время чрезвычайно дурно управлялась.

Академик сконфуженно замолчал, Одинцов и его супруга понимающе переглянулись, а принцесса Виктория спросила:

– Так все же, Хельга, что нам делать, если комета вздумает упасть на одну из европейских стран, в частности, на Великобританию?

– Как что? – удивилась Ольга. – Нам следует подготовиться к трудностям, делать что должно для уменьшения жертв, стараться избегать паники и надеяться, что удар не придется по крупному городу. Обо всем прочем мы поговорим в узком кругу монархов в ходе обсуждение наших общеевропейских дел. Если Брестские Соглашения становятся основой для фор-

мирования нового миропорядка, исключая решение международных вопросов методами войны, то пора создавать на их основе некое подобие ООН из мира Павла Павловича. До всех европейских политических деятелей надо довести мысль, что сообща мы справимся с трудностями гораздо лучше, чем поодиночке. Еще два вопроса, которые мы хотим поставить перед собранием монархов наряду с кометой, будет будущее территорий Австро-Венгерской империи после смерти милейшего Франца Фердинанда и поведение Франции, чьи должностные лица оказали содействие попытке цареубийства. Такие вещи недопустимы, господа, и должны караться жесточайшим образом.

– Но сначала, – сказал канцлер Одинцов, – сразу после официальных траурных мероприятий должны состояться ваши очные встречи с королем Эдуардом, кайзером Вильгельмом и императором Францем Фердинандом, и лишь потом можно переходить к общему королевскому кордебалету.

– Согласна с вами, Павел Павлович, – с улыбкой кивнула императрица Ольга. – Быть посему!

16 сентября 1907 года, 10:05, Австро-Венгерская империя, Вена, дворец Хофбург (Старый замок).

Встреча императрицы Ольги, сербской королевы Елены, болгарского царя Михаила и императора Франца Фердинанда прошла в тихой камерной обстановке. Императрице Ольге и ее союзникам ассистировал канцлер Одинцов, а Францу Фердинанду помогал многоопытный министр-президент Цислейтании Макс Владимир фон Бек. Теперь, когда через сорок дней после их последней встречи исчезли последние препятствия для нормализации австро-русских отношений, этот разговор был уместен, и даже, более того, необходим. Франц-Иосиф умер и упокоился в семейной гробнице, и теперь его преемнику следует подтвердить предыдущие соглашения, которые он делал в статусе наследника престола. Ведь если он не сумеет урегулировать отношения с Российской империей и ее балканскими союзниками, то в таком случае от него отвернется германский кайзер Вильгельм, не желающий попадать в мясорубку Брестских соглашений.

И вообще, Австро-Венгерская империя тяжело больна: если в Цислейтании чехи и словенцы только слегка недолюбливают немцев (за что те платят им взаимностью), то в Транслейтании (то есть в Венгрии, в широком смысле этого слова) межнациональная ненависть полыхает ярким пламенем. Словаки, хорваты, сербы, румыны ненавидят венгров, которые относятся к ним с оскорбительным пренебрежением – как господа к своим крепостным. И на этом фоне подспудно тлеет сербо-хорватская неприязнь. Сербы хотят жить в своем государстве, которое у них, что называется, через дорогу, а хорваты – в своем, на данный момент являющимся чистой декорацией, ибо всеми хорватскими делами из Будапешта заправляет специальное министерство венгерского правительства.

И хорошо, если человек в министрах попадет хороший – понимающий, что в местных не стоит тыкать палкой. Если же министром окажется какой-нибудь венгерский националист, считающий славян за разновидность дождевых червей, то можно тушить свет и выносить святых. И у сербов, и у хорватов есть свои экстремистские группировки, с радостью готовые воспользоваться любыми обострениями венгерского национального самосознания. Но стоит Хорватии обрести самостоятельность, как вчерашние угнетенные тут же оборачиваются в жестоких угнетателей, истребляющих и порабащивающих своих сербских соседей, отнимающих их дома и имущество.

Особую пикантность разговору между монархами и главами правительств придавала российская воинская группировка, перебрасываемая на территории Сербии. Корпус морской пехоты, кавкорпус генерала Келлера и три армейских корпуса под командованием генерала Плеве дополнили объединенные сербо-черногорские силы в триста тысяч штыков, а также

развертывающиеся вдоль трансильванской границы первую, третью и четвертую болгарские армии общей численностью еще в двести тысяч солдат и офицеров. Никто никому не угрожает, но эти семьсот тысяч бойцов, овеянных славой скоротечной Балканской войны, незримыми тенями витали в этом кабинете. Если монархам и их верным клеветам не удастся договориться «по-хорошему», свое веское слово скажут союзные армии, приставившие острые штыки к толстому австро-венгерскому заду.

– Не могу сказать, что сожалею о смерти вашего престарелого дяди, – сказала Ольга Францу Фердинанду при встрече. – Увы, но человек, оплативший моему прадеду презлейшим за предобреее, не заслуживает к себе хорошего отношения. Но и злословить по его поводу я тоже не стану. Недостойно это не только настоящего монарха, но и просто порядочного человека¹. Пусть покоится с миром.

– Я понимаю ваши чувства, Хельга, – пожал плечами Франц Фердинанд, – мой дядя при жизни был не самым приятным человеком и причинил немало зла разным людям и целым странам. При этом я должен отметить, что он все же умел сдерживать самые жуткие свои порывы, потому что иначе Европа еще лет десять назад могла бы окунуться в горнило самой ужасной войны, и еще неизвестно, на чьей стороне в ней была бы правящая Британской империей королева Виктория. Поэтому, действительно, пусть старый грешник Франц-Иосиф покоится с миром, ведь главной его заслугой было не то, что он сделал в своей жизни, а то, что отказался делать категорически.

– Да, – ответила Ольга, – покойная королева была еще той старой ведьмой, и с радостью уцепилась бы за любую войну против России. Но это дело прошлое. Гораздо больше меня беспокоит покушение на вашу особу в Белграде. Господам из Парижа все же неметается столкнуть Европу в новую большую войну и убить при этом несколько миллионов человек. И по этому поводу нам, европейским монархам, тоже придется что-то решать. Недопустимо ставить жизнь и благополучие наших подданных в зависимость от сиюминутных политических устремлений так называемых демократических политиков.

– Всемерно с вами солидарен, – поежившись, ответил Франц Фердинанд, – и крайне благодарен господину Баеву за то, что он сделал для спасения нашей с Софией жизни. Я бы наградил его каким-нибудь австрийским орденом, да только он гордый, а потому не возьмет.

– Господин Баев и его подчиненные старались не ради вас с мадам Софией, – парировал канцлер Одинцов, – а действовали в государственных интересах Российской империи и Сербского королевства. И эти самые интересы требуют, чтобы вы правили долго и счастливо, невзирая ни на чьи злые желания, потому что обговоренный нами в Петербурге цивилизованный развод в большой Австро-Венгерской семье через двадцать лет гораздо лучше всеобщей европейской драки за ваше наследство прямо сейчас. Там, в Белграде, под угрозой были не только две ваши жизни, но и жизни нескольких миллионов человек, которые могли погибнуть в большой общеевропейской войне, инспирированной французской псевдодемократической камарильей. И это далеко не все. Так называемые «патриоты», за деньги работающие по заданиям иностранного правительства, представляют опасность для любого государства, а не только для Сербии с ее неустоявшейся властью. Сегодня эти люди убивают заезжего принца из не самой дружественной державы, а завтра они же свергнут собственную королеву, потому что та стала мешать их непомерным амбициям, и установят республику по французскому образцу. Свобода, Равенство, Братство и отрубленные гильотинами головы кучами на площадях. Именно потому, что такого нам не требовалось, мы, заключив соглашение с господином Димитрие-

¹ Императрица намекает на королеву Викторю, от которой по миру пошло множество дурных политических привычек. Когда умер император Николай Первый, та велела объявить в газетах что «скончался враг рода человеческого». Знакомая манера расчеловечивания и демонизации противника, не правда ли?

вичем, самым внимательным образом продолжали приглядывать за его организацией. И, как видите, далеко не напрасно.

– Да, – подтвердила Елена Прекрасная, то есть Сербская, – господа из «Черной руки» – это страшные люди. Им все равно, кого убивать, лишь бы смерть этого человека хоть на шаг приблизила их недостижимую мечту о создании Великой Сербии. Ради этой цели они готовы втравить наш маленький уставший народ в жестокие войны, перессорившись при этом со всеми соседями, навалить кучу трупов, подгрести под себя и нужное и ненужное, а потом ввергнуть сербов в новое тотальное унижение и истребление. Мы очень благодарны господину Баеву и другим нашим русским друзьям за то, что они избавили нас от этих нехороших людей. Думаю, что из наших рук они не откажутся принять награды в знак признания их заслуг перед Сербским королевством.

– Ах вот оно как было... – прикусив губу, сказал Франц Фердинанд. – Я-то думал, что вы все это проделали из одного только чистого человеколюбия, а это оказался холодный расчет, и не более того...

– Никакого чистого человеколюбия в политике не бывает, – уверенно заявила императрица Ольга. – Если б вы с мадам Софией были простыми обывателями, для того, чтобы ваша потенциальная смерть привлекла к себе наше внимание, количество возможных жертв исчислялось бы тысячами или даже миллионами. Собственно, мы потому и приняли участие в вашей судьбе: что вы были первыми, а за вашей спиной как раз и маячили те самые миллионы безвинно загубленных душ, среди которых больше половины были дорогими нашему сердцу русскими, сербами и болгарами.

– Кстати, – буркнул российский канцлер, – должен сказать, что с разгромом «Черной Руки» еще далеко ничего не кончилось. Как докладывает наша Загранразведка, вашей смерти желают многие и многие внутри самой Австро-Венгерской империи. Одни надеются взгромоздить на престол несовершеннолетнего малыша Карла и править еще несколько лет от его имени, другие планируют немедленный раздел вашей державы на множество мелких республик, и присмотрели уже для себя в ней вкусные кусочки. А то еще неизвестно, что там будет через двадцать или тридцать лет.

– Я это понимаю, – вздохнул Франц Фердинанд, – и Софи тоже. Также мы понимаем, что еще больше желающих нашей смерти появится, когда как мы выполним то, о чем мы с вами договорились в Петербурге, а с королевой Еленой – в Белграде. Мы твердо намерены передать в состав Сербского королевства все земли, населенные сербским народом – но только их, и не клочка больше. Даже размен Боснии и Герцеговины с присоединением сербской части этой территории к территории Сербии может вызвать у нас определенные затруднения, поскольку некоторые горячие, но в то же время образованные головы в Аграме не признают сербскую нацию субъектом истории. Мол, все древние сербские королевства на самом деле были хорватскими, а потому не только Босния и Герцеговина, но и сама Сербия должны стать территорией Хорватии – чтобы хорваты стали господами на этой земле. Сейчас развитию таких настроений ощутимо мешает подчиненное положение Хорватии по отношению к Венгрии, но как только это положение будет исправлено, хорватская великодержавность расцветет пышным цветом.

– О да, – сказал Макс Владимир фон Бек, – стоит только освободиться вчерашнему рабу, как он тут же желает сам стать господином и помыкать другими, еще более бесправными людьми. Это есть главная проблема и беда нашего государства, ибо каждая нация в нем живет как бы сама по себе, но хуже всего с теми нациями, которые уже имеют свои признанные государства и желают к ним присоединиться, а соседи, лишённые такой роскоши, за это их люто ненавидят.

– Мы знаем о таких хорватских поползновениях, – кивнула русская императрица, – и считаем, что ваши проблемы надо решать по мере их возникновения. Пункт первый – после Праги вы приезжаете в Аграм и коронуетесь там при всеобщем одобрении народа, что непре-

менно вызовет взрыв возмущения в Будапеште. Подавлять этот мятеж вы будете с помощью регулярной имперской армии, австрийского и богемского ландвера, а также хорватского домобрана. Российские и сербские войска при этом заходят на венгерские территории, подлежащие передаче в состав Сербии, и на этом останавливаются. Болгарская армия остается в резерве. Все, вглубь Венгрии мы дальше не идем, и Трансильванию у вас тоже не отбираем. Если ваших сил не хватит на подавление мятежных поползновений Будапештского бомонда – обращайтесь к нашему общему другу Вильгельму – он поможет вам своими шютце (стрелками).

– А как же тогда быть с Румынией? – с некоторой ехидцей спросил Франц Фердинанд. – Вот была независимая страна – и вдруг мы узнаем, что отныне ее территория стала частью вашей Империи. Тут, в Вене, поговаривают, что с таким хорошим аппетитом, ваше императорское величество, лет через тридцать вы схарчите всю Европу, и не подавитесь.

– Не беспокойтесь, – усмехнулась Ольга, – не схарчу. Румынию мы взяли, только споткнувшись о неразумное упрямство ее боярства. Потом стало понятно, что в будущем при любой общественной формации это была самая несчастная, продажная, нищая и вороватая страна Европы, постоянно встречающая в те или иные антироссийские политические и военные союзы. Вторая такая же страна-неудачник в той истории – это Польша, но такого государства сейчас на карте нет, и мы приложим все возможные усилия, чтобы его никогда и не было. Все остальные страны, в том числе и вылупившиеся из развалин Австро-Венгерской империи, показали себя вполне самостоятельными и самодостаточными государствами, и в таком плане они нам не интересны. Думаю, что под нашим мудрым руководством Румынское королевство, поменявшее статус с независимого на вассальный, тоже добьется невиданного прежде процветания.

– Аминь, – сказал Франц Фердинанд, – хочется надеяться, что так и будет, и после Румынии в ходе подавления венгерского мятежа вам не захочется присоединить к своей территории еще и Трансильванию.

– Ничего подобного в наших планах нет, – отрезала русская императрица, – но если тамошний гонвед полезет на российскую территорию, пусть пеняет на себя. Понимаете? До тех пор, пока ваши венгерские подданные будут смирно сидеть на своей территории, мы также останемся на своей земле, но если будут какие-то враждебные поползновения, то не обесудьте – в таком случае судьбу этой территории нам придется решать на отдельных переговорах.

– Я вас понял, – кивнул Франц Фердинанд, – и не могу сказать, что это несправедливо. В противном случае, если я откажусь от уже согласованных действий по цивилизованному демонтажу Австро-Венгерской империи, вы тут же осуществите то же действие – только сразу, силовым путем и невзирая на дополнительные издержки, – а мои дети при этом останутся исключительно частными лицами.

– Все верно, – подтвердила Ольга, – я такая – злая, решительная, беспощадная, и в то же время свято соблюдающая даже устные соглашения. Так что если будешь выполнять все, о чем договорился, все у тебя будет хорошо. А теперь, мой дорогой Франц Фердинанд, давайте вернемся к сербскому вопросу. Размен хорватских территорий Боснии и Герцеговины на сербские земли необходимо производить только после того, как Будапешт будет окончательно усмирен и приведен в чувство. Если же после вашего указа произвести территориальный размен в хорватских элитах разыграет ретивое и они взбунтуются, как и их венгерские приятели, то обговоренный нами территориальный размен следует произвести при силовой поддержке сербских и русских войск.

– Я думаю, Ваше Императорское Величество, что до этого не дойдет, – сказал канцлер Одинцов. – Год сейчас далеко не сорок первый, и даже не девяносто второй, а потому крайние хорватские националисты сейчас в маргинальном меньшинстве. Хорватский народ еще не принуждали жить совместно с неприятными им сербами – ни в монархической империи Карагеор-

гиевичей, ни в социалистической империи Иосипа Броз Тито. Насколько нам известно, дальше простого ворчания сербо-хорватская неприязнь пока не распространяется. Гораздо сильнее в Хорватии недолюбливают своих венгерских начальников, не ставящих тамошний народ и в грош.

– Ну, если до открытого мятежа в Хорватии не дойдет, так я тому буду только рада, – хмыкнула Ольга, – потому что ни одна, даже самая маленькая, война не обходится без потерь. А мне этого не надо, и сербской королеве тоже. Мы воевали, когда иначе было нельзя, но этот вопрос сербских земель следовало решить путем переговоров, что мы и сделали. Не так ли, моя дорогая невестка?

Королева Елена, к которой был обращен последний вопрос, очаровательно улыбнулась и сказала:

– Все так, моя дорогая золовка. И теперь, когда мы свели в единое целое все предыдущие наши устные соглашения, не пора ли подписать соответствующее письменный документ? Насколько я понимаю, у твоего канцлера уже готова соответствующая бумага?

– Да, – вместо Ольги сказал канцлер Одинцов, раскрывая толстый бювар, – соответствующее многостороннее межгосударственное соглашение по сербскому вопросу у нас готово. Договаривающиеся стороны – Австро-Венгерская империя и Сербское королевство, гаранты исполнения – Российская империя и Болгарское царство. Срок исполнения – до первого июля будущего года, когда все вопросы по этому документу должны быть закрыты. Читаем – и если согласны с текстом, то подписываем.

– Все верно, – сказал Франц Фердинанд, – но только меня беспокоит французский вопрос. Если их так называемые демократические политики один раз впутались в дело с попыткой убийства монаршей персоны, то кто даст гарантию от повторения таких актов государственного терроризма?

– А вот это вопрос, мой дорогой друг, надо решать чуть позже в гораздо более широком кругу, – сказала Ольга, – с участием британского, германского и, возможно, итальянского монархов. Возможно, это произойдет сразу после того, как Германская и Австро-Венгерская империя присоединятся к Брестским соглашениям, которые будут дополнены как пунктом о взаимном обеспечении безопасности колоний, так и договором о взаимной помощи в случае подавления мятежей и борьбы с государственным терроризмом. Если уж обеспечивать европейскую безопасность, то делать это следует так, чтобы в договоренностях не осталось ни малейшей дырочки.

Четыре часа спустя, там же.

Встреча сильных мира сего состоялась там же, где до этого участники Балканского союза договаривались об окончательном решении сербского вопроса и текущем переустройстве Австро-Венгерской империи. Хотя, когда процесс «перестройки» окончательно завершится, империю Габсбургов можно будет называть Австро-Богемско-Хорватско-Венгерской, ибо вместо двух равноправных субъектов в системе будет уже четыре. И ничего: Советский Союз на пике своего могущества насчитывал шестнадцать субъектов и сохранял свою целостность до тех пор, пока окончательно не иссякла объединяющая идея. В данном случае такой идеей работает харизматичный император Франц Фердинанд – последний из могикан, то есть из Габсбургов. После него – только потоп, то есть цивилизованный развод на составные части через двадцать-тридцать лет. Богемия, Венгрия и Хорватия уйдут в самостоятельное плавание, а Австрия присоединится к Германской империи.

Но этот процесс хоть и предрешен, но пока не свершился, а потому император Франц Фердинанд, как равный среди равных, разговаривает с другими монархами европейских империй: российской императрицей Ольгой, британским королем Эдуардом и германским кайзером Вильгельмом. Кстати, у последнего вид человека, уже на эшафоте получившего высочайшую

амнистию с полным прощением грехов. Смерть императора Франца-Иосифа, к которой германский кайзер все же приложил свои шаловливые ручки, избавила Европу от риска внезапной неспровоцированной войны по одному только хотению старого мизерабля. Стоило прогреметь первому выстрелу – и Двойственный союз попадал в приемную горловину безотказной брестской мясорубки, из которой уже не было бы выхода. Автор этой конструкции сидит напротив кайзера и смотрит на него тяжелым взглядом неподкупного судьи. Мол, заменили тебе смертную казнь на условно-досрочное освобождение, но при малейшей провинности не поздно будет открутить все назад прямо вместе с головой.

Гарант этого откручивания – супруг молодой русской императрицы: он, вопреки всем обычаям, не сидит вместе со всеми за столом, а стоит за ее спиной, скрестив на груди руки. И германский кайзер, и британский король не сводят с этого человека взгляда, и видят, как уже за ним незримо топорщится щетина штыков армии постоянной готовности, только что без особых усилий на куски разломавшей Османскую империю. То, чего не смогут добиться дипломаты и политики вроде господина Одинцова, силой возьмет русская армия, вернувшая себе славу времен Суворова и Кутузова. От осознания этого факта собеседниками каждое слово молодой русской императрицы обретает силу закона. Да и не хочет она ничего лишнего, только вечного мира для себя и союзников.

Неуютно чувствует себя и британский король Эдуард, присутствующий здесь вместе с дочерью и министром иностранных дел. Тори умна и способна дать отцу ценный совет, а вот Эдуард Грей не равен тут никому. Британская империя смертельно больна, и симптомы этой болезни, стоит лишь повнимательнее присмотреться, видны в ней повсюду. Война, даже очень маленькая и локальная, при таком состоянии дел Владычице Морей строго противопоказана, а от ее ослабления выиграют не континентальные державы – Франция, Германия и Россия, – а не столь уж далекие заокеанские кузены, понемногу вырастающие из коротких штанишек. Подобное вытесняется подобным. Бурно развивающимся Североамериканским Соединенным Штатам становится тесно в своей колыбели: совсем недавно они оттягали у окончательно одряхлевшей Испании лежащую под боком Кубу, а также далекие Филиппины. Последние – это заявка банкиров с Уолл-Стрит на грядущее мировое господство, необходимое для доминирования на рынках сбыта и контроля за источниками сырья. Если Британия не предпримет каких-либо срочных мер, создав коалицию, нацеленную на препятствование американской экспансии, то в обозримом будущем ее начнут теснить сначала с самых вкусных мест, а потом и отовсюду на земном шаре.

Самый спокойный тут – император Франц Фердинанд. Свое он уже отбоился, главные решения принял, и готов их выполнять. В отличие от Британии и Германии, империи Габсбургов следует сосредоточиться на внутренних проблемах, которых у нее хоть отбавляй. Центробежные силы рвут Австро-Венгерскую империю на части, и нет ничего, что могло бы воспрепятствовать разрыву. Если последний император все же умрет раньше срока в результате второго, пятого, двенадцатого или двадцатого покушения по счету, то цивилизованный развод грозит обернуться неуправляемым скандалом и войной всех со всеми. Это, конечно, не та мировая война за возвращение Эльзаса и Лотарингии, что задумывал французский Генштаб, но все равно немецкой, венгерской, польской, хорватской, сербской, румынской и прочей крови прольется столько, что мало никому не покажется.

Между прочим, Франция, хоть ее представители отсутствуют за этим столом, будет одним из главных предметов обсуждения. Людям, собравшимся в этом месте, предстоит решить, каким путем будет развиваться дальше европейская история. Или все пойдет как обычно, через буржуазную псевдодемократию, когда народы имеют возможность выбирать между разными сортами дерьма, или Второй Венский конгресс на столетие вперед утвердит правила ответственной политики, при которой социально ответственные монархи действуют строго в интересах своих народов. В противном случае европейский континент ждет полити-

ческая суэта, когда короткопериодические деятели будут ставить перед собой и своими странами эфемерные цели, а в итоге это разразится одной или двумя разрушительными мировыми войнами.

Заседание открыл хозяин встречи.

– Господа, – сказал император Франц Фердинанд, – со всеми вами я уже встречался один на один и выслушал все возможные выражения скорби и соболезнования, поэтому давайте при минимуме формальностей перейдем прямо к главному вопросу сегодняшнего дня – присоединению Германской и Австро-Венгерской империй к Брестским соглашениям.

– Да, – сказал кайзер Вильгельм, – я согласен. Присоединившись к Брестским соглашениям и прекратив действие Двойственного союза, Мы надеемся превратить этот альянс в гарантию вечного мира на европейском континенте. Здесь и сейчас нам как ответственным представителям своих народов предстоит выработать такую систему международных отношений, чтобы никто и никогда больше не смог развязать в Европе ни большую, ни малую войну. Наш общий дом слишком мал и хрупок для того, чтобы на его территории устраивать вооруженные побоища.

– Ваш дядя Вилли сегодня просто в ударе... – вполголоса шепнул по-русски канцлер Одинцов на ухо императрице Ольге. – Я, честно говоря, не ожидал от него такого показного миролюбия, обычно его красноречие направлено в прямо противоположном направлении.

– Заговоришь тут о мире, когда прямо над шеей висит топор гильотины... – так же тихо хмыкнула в ответ русская императрица. – Но я тому только рада, и сам знаешь, почему. Некогда нам сейчас воевать, работать надо: тянуть дороги, распахать поля, строить шахты и заводы, учить людей. Это дело мы с тобой за три года только начали, а чтобы закончить, нужно еще лет тридцать, и лучше, чтобы совсем без войны.

– Т-с-с-с, Ольга, – шепнул Одинцов, – ваш дядя Берти хочет что-то сказать.

– Все это хорошо, – сказал король Эдуард, – но что по поводу присоединения новых членов к Брестским соглашениям скажет Франция, представители которой отсутствуют за этим столом? Не думаю, что в Париже дадут добро на то, чтобы Германия избежала мести на прошлую франко-прусскую войну.

– Когда мы с тобой, дорогой дядюшка устраивали Брестские соглашения, то меньше всего думали о мести, и больше всего – о сохранении мира в Европе, – с ехидством произнесла Ольга. – Голос Франции в этом вопросе сугубо совещательный, потому что это мы, Россия и Британия, гарантировали любителям лягушачьих лапок спасение от германского нашествия, а не наоборот. И это условие остается в силе, пока Франция участвует в Брестских соглашениях – Германия на нее не нападет. Наш совместный пакет в Брестском альянсе контрольный, а потому как мы с тобой сейчас решим, так и будет. Французы при этом могут выходить из альянса, а могут оставаться. Мне от этого ни холодно, ни жарко, у меня к их политикам другие вопросы.

Сэр Эдвард Грей, британский министр иностранных дел, честный джентльмен и серая посредственность, выслушав это яростную апологию владычицы Третьего Рима, зябко пожегся и с надеждой посмотрел на своего короля, ожидая от него не менее яростной ответной филиппики. Но тот как бы даже не заметил этих надежд.

– Ты, Хельга, имеешь в виду акцию французской военной разведки по подготовке убийства нашего милейшего хозяина, австро-венгерского императора Франца Фердинанда? – спросил Эдуард Седьмой.

– Именно так, дядя Берти, – подтвердила русская императрица, – хоть в тот момент наш друг Франц Фердинанд еще не носил на своей голове короны, это ничуть не извиняет людей, заплативших за его смерть. Но еще более меня бесит та цель, которую эти политики планировали достичь своей мерзкой акцией. Убив одного человека, они планировали развязать общеевропейскую войну, в которой должно было сражаться не менее десяти миллионов чело-

век, и как минимум один миллион должен был погибнуть ради их мелкого интереса возвращения в состав Франции Эльзаса и Лотарингии. За один только замысел подобного безобразия его авторов после дотошного расследования и справедливого суда следует колесовать, четвертовать и без всякой пощады сажать на плохо отесанный кол.

– Не могу с тобой не согласиться, Хельга, – кивнул британский король, – у нас в Британии тоже есть мерзавцы, пытавшиеся манипулировать своим королем. И мировой военный пожар они могли разжечь ничуть не хуже своих французских коллег. Ну да тебе об этом тоже известно. Но сейчас меня интересует совсем другой вопрос. Австро-Венгерская империя, желающая присоединиться к Брестским соглашениям, имеет множество территориальных споров с твоими друзьями по Балканскому союзу, что само по себе чревато началом военного конфликта. Не зря же ты в настоящий момент собрала в Сербии почти половину той армии, которая совсем недавно с легкостью разгромила турок. Не получится ли так, что мы втянем потенциальный конфликт прямо в сердце нашего миролюбивого союза?

– Нет, дядя Берти, – ответила Ольга, – не получится. Мы с коллегой Францем Фердинандом уже успели провести скоротечные сербо-российско-австрийские переговоры, результатом которых стало соглашение о национально-территориальном размежевании. Что написано пером, то не вырубишь топором.

– Да, так и есть... – Франц Фердинанд похлопал рукой по малоприметному кожаному бивару. – Мы обо всем договорились и подписали документы.

– Босния и Герцеговина? – с интересом спросил король Эдуард.

– Да, Босния и Герцеговина, – подтвердил австро-венгерский император. – Поскольку положения Берлинского трактата были признаны ничтожными, по причине категорического неисполнения его условий турецкой стороной, то и наши права на эту территорию превратились в фикцию. Вернуть эти территории Османской империи сейчас невозможно, поскольку та просто исчезла с карты мира, и в то же время среди ее победителей ни Российская империя, ни Болгарское царство не претендуют на Боснию и Герцеговину даже в малейшей степени...

– Все хорватское должно стать хорватским, а все сербское сербским, – веско сказала императрица Ольга. – При этом права сербов на хорватской территории и хорват на сербской должны быть защищены в равной степени. Dixi! Мы перекраиваем границы и подписываем соглашения таким образом, чтобы они максимально соответствовали этому принципу.

– Насколько я помню, – сказал кайзер Вильгельм, – часть земель, населенных сербами имеется и в составе Венгерского королевства, а не только Хорватии или Боснии и Герцеговины. Неужели в Будапеште спокойно отнесутся к тому, что часть их исконных территорий будет отторгнута в пользу соседнего государства, и не поднимут по этому поводу какого-нибудь мятежа?

– Сербские земли в составе Венгрии – далеко не исконные, – стараясь быть спокойным, заговорил Франц Фердинанд. – В начале восемнадцатого века Австрия отвоевала эти территории у турок силой оружия и организовала на них пограничную провинцию Темешварский Банат, управляемую напрямую из Вены. Впоследствии в середине восемнадцатого века к этой провинции добавились другие пограничные земли, названные Воеводством Сербским. Несмотря на то, что эта провинция была ликвидирована в 1860 году с передачей земель в состав Венгерского королевства, титул воеводы Сербского остался за австрийским императором, то есть за мной. Аз есмь высший суверен над теми землями, а венгры, если захотят поднять мятеж и на этот раз, жестоко о том пожалеют.

– Да, совершенно верно, – подтвердила императрица, – и поэтому, помимо соглашения о безопасности колоний, мы предлагаем дополнить Брестские соглашения документом о поддержании внутренней безопасности, чтобы ни один член нашего альянса не только не поддерживал разжигание смут и мятежей у своих соседей, но и всячески способствовал их умиротворению. Стандарты приличной социальной политики известны всем присутствующим, так что

надеюсь, мы сможем избежать ситуации, при которой люди начинают бунтовать от банального голода и бытовых неурядиц. И еще: решив сербскую проблему, мы не должны забывать о других подобных случаях. Дядя Берти, не смотрите на меня с таким изумленным видом – я имею в виду как раз вашу Ирландию. Или вы перестанете считать ирландцев людьми второго сорта, своего рода белыми неграми, называя их «грязные пэдди», или дело для вашей Империи закончится печально.

– Да, отец, – подтвердила принцесса Виктория, – это и в самом деле так. Чем больше мы унижаем ирландцев, тем сильнее сжимается пружина их гнева, которая однажды еще ударит нас со страшной силой.

– Дочь моя, – ответил британский король, – уже много раз лучшие политики Соединенного королевства пытались исправить это положение дел, но их предложения ни разу не проходили через Парламент. Увы, и я тоже тут почти ничего не могу поделать, ведь, несмотря на все свои prerogatives, я не абсолютный монарх, а конституционный.

– А это оттого, дорогой Берти, – с мрачным видом произнес канцлер Одинцов, – что депутаты вашего Парламента представляют не своих избирателей в округах, а тех, кто дал им денег на избирательную кампанию. По-настоящему у вас независимы только те депутаты, которые настолько богаты, что способны самостоятельно оплачивать все свои счета. Но они тоже далеко не ангелы – скорее, наоборот. Ведь, по сути, Ирландия – это ваша самая первая колония, где белые сагибы властвуют над такими же белыми туземцами. Униженное и оскорбленное положение ваших ирландских подданных – это способ довести их эксплуатацию до того предела, после которого уже идет лишение личной свободы. Алчность пропитала Британскую империю так же, как запах дерьма пропитывает стены ветхого сортира.

– О да, герр Одинцофф! – подтвердил кайзер Вильгельм, воинственно встопорщив свои знаменитые усы. – Мы, немцы, даже с африканскими неграми поступаем гуманнее, чем англичане с белокожими ирландцами...

Сказал – и осекся, натолкнувшись взглядом на разъяренного русского князя-консорта. Но страшнее всего выглядела русская императрица.

– Вы, дядя Вилли, в связи с известными вам обстоятельствами, лучше не заливайте нам в уши про германскую гуманность! – коброй прошипела Ольга. – Всем прочим присутствующим хочу напомнить, как тридцать пять лет назад вели себя германские солдаты на оккупированных французских территориях, и в каких скотских условиях «гуманные» немцы содержали тогда пленных. Если случилась война против жестоких людоедов, то она должна быть стремительной и почти бескровной, чтобы, когда умолкнут пушки, все мерзавцы оказались мертвыми, а ни в чем не виновное население побежденной страны приспособилось к новой жизни, которая у них будет лучше, чем прежняя. Тридцать пять лет назад – примерно тогда же, когда прусская армия громила Вторую Империю Наполеона Третьего – Россия завоевала себе знойные барханы Туркестана. За это время население на этих землях увеличилось в двадцать раз – ведь мы пресекли разбои и вечные междоусобные войны. В голой степи и песках проложены дороги, выросли города, процветает торговля и земледелие. Вот в чем главное предназначение цивилизации, а не в том, чтобы содрать с покоренных земель как можно больше денег. И мой Сашка, и Павел Павлович, и все их спутники людно и оружно появились в этом мире как раз для того, чтобы наставить его на праведный путь без жестокого угнетения, затяжных войн, ведущих к бессмысленному истреблению миллионов людей.

– И именно ради этой благой цели, Хельга, – скривив губы, произнес британский король, – в арсенале твоих пришельцев имеется подводный корабль со сверхдальнобойными снарядами воистину сатанинской мощи, способными одиночными попаданиями целиком разрушать крупные города?

– А вот об этом, дядя Берти, тебе лучше спросить лично у Всемогущего Господа, – встопорщилась Ольга. – Подумай, чем ты и прочие европейские владыки, включая покойных

Франца-Иосифа и Абдул-Гамида, так разгневали Создателя Всего Сущего, что он сунул Нам под руку такую тяжелую дубину, пригодную для того, чтобы до полусмерти отмузгивать всю Европу разом? И еще. Хоть наши отношения с Британией, Германией, Австро-Венгрией и прочими странами были далеки от сердечности, Мы ни разу даже полусловом не обмолвились, что в Нашем распоряжении имеется такое ужасающее оружие, не говоря уже о том, чтобы размахивать им направо и налево, как безумец размахивает своими мужскими причиндалами. Этот ужас иного мира может быть применен только в том случае, если на нас войной пойдет вся Европа, а мы к такому нашествию будем не готовы. Но сейчас я почти уверена, что самого страшного не произойдет, и снаряды мощью в сотни тысяч тонн тротила нам не понадобятся. Брестские соглашения снимут угрозу большой войны и привыют европейцам вкус к очень долгому миру. А если этот план потерпит неудачу, то к войне один на один со всей Европой мы уже почти изготовились, а мелкие недостатки можно устранить по ходу процесса.

– Все верно, – подтвердил слова императрицы канцлер Одинцов, – но вы не обессудьте, господа. Вы тут у нас далеко не агнцы, а с волками жить – по-волчьи выть.

С кайзера Вильгельма в этот момент можно было бы писать картину «обалдевший сего числа», да и британский король выглядел изрядно потрясенным. Внешне спокойным оставался лишь император Франц Фердинанд, внутренне готовый и не к таким невероятным новостям. Да и поумнее он был, чем «дядя Берти» и «дядя Вилли» вместе взятые, а потому сразу и в лоб задал ключевой вопрос европейско-российских отношений:

– И что же, дорогая Хельга, ты думаешь, что мой дядя (*Франц-Иосиф*) был прав, и Россия с Европой обречены на постоянные войны?

– Твой дядя, прости Господи, был ударен пустым мешком по пыльной голове, – ответила Ольга. – Неужели ты сам ощутил с нашей стороны хоть какие-нибудь признаки ненависти, делающей невозможной любые рациональные действия? Зато с другой стороны такой немотивированной ненависти было хоть отбавляй. До зубовного скрежета нас ненавидел как сам твой дядя, так и его клеветы – и, как говорит мой канцлер, это еще цветочки. Лет через сто Европа засмердит таким откровенным гноем, что тошнить начнет и самого небрезгливого человека. Россия в Европу никогда войти не сможет – плечи в дверь не пролезают; а вот Европа в Россию входит свободно, да еще остается место для двух-трех Франций. Но этот вариант мы оставим на крайний случай, если у нас не получится вылечить неизбыточную европейскую злобу и зависть, а пока предлагаю принять за аксиому, что Россия и Европа должны между собой жить мирно и дружно, но порознь, ибо от попытки смешать две несовместимые субстанции ничего хорошего не получится.

Канцлер Одинцов хмыкнул и добавил:

– Русский, вне зависимости от его отношений с правительством, приезжая в Европу, так и остается русским и в первом, и во втором, и в третьем поколениях, а вот европейцы, переселившиеся в Россию, растворяются в ней как сахар в кипятке. И зачастую только по фамилии можно опознать, что дед этого человека был французом, этого – англичанином, а этого – немцем.

– Что есть, то есть, – вздохнул кайзер Вильгельм. – Немцы, уехавшие жить в Россию, для нас потеряны навсегда, и в то же время поток переселенцев не ослабевает. Надел в сто гектар чернозема в Южной Сибири или Северной Маньчжурии действует на наших малоземельных крестьян хуже, чем валерьянка на kota. Россия бурно развивается, используя свое огромное пустое жизненное пространство, в то время как честные европейцы, скованные обручами существующих границ, вынуждены киснуть без всякой надежды вырваться на простор. При этом мои генералы считают, что попытка оспорить это жизненное пространство у России закончится для нас тем, что Германия, а может быть, и вся Европа станут частью России. Это будет страшная война, перед которой померкнут все прочие конфликты; Европа будет разру-

шена и завалена трупами, и на ее руинах останется только один победитель – он. – Кайзер Вильгельм показал на русского князя-консорта.

– Да, Сашка у меня такой! – с чувством сдержанного удовлетворения кивнула императрица Ольга. – Но все же, дядя Вилли, скажи, какие-нибудь светлые мысли по этому поводу у тебя имеются или все так плохо, что можно вешаться?

– Светлая мысль у меня только одна, – ответил кайзер. – Я вам о ней уже говорил. Если ваши Брестские соглашения превратить в систему поддержания общеевропейской безопасности, то тогда мы, немцы, могли бы поискать военного счастья подальше от Старого Света. Жаль, конечно, Франции, но не думаю, что завоевать ее было хорошей идеей. Лягушатники слишком уж помешаны на свободе, равенстве и братстве, чтобы мы с ними могли ужиться в одном государстве.

– Не забывайте, что Франция – это не только канкан, опера и Ницца, но и угроза привычному нам консервативному миропорядку, – сказал Франц Фердинанд. – Мы понимаем, что по мере развития цивилизации чистый монархический принцип «государство – это я» постепенно отходит в прошлое. Но, черт возьми, кумирами широких народных масс должны быть ответственные консервативные политики, действующие на благо своих народов, а не пустоголовые популисты, ради получения известности готовые чиркать спичками на пороховом складе.

Британский король и российская императрица переглянулись.

– Французская республика находится под защитой Брестских соглашений, – сказал Эдуард Седьмой, – и военное решение вопроса само по себе разрушит наш союз.

– Я полностью согласна с дядюшкой Берти, – кивнула Ольга. – Франция виновата, но унасекомить ее следует без единого выстрела и произнесения военных угроз, ибо сие несовместимо с Брестскими соглашениями. Павел Павлович, а вы что скажете?

– Я предлагаю применить в отношении Франции такой замечательный демократический прием воздействия, как экономические санкции, – ответил тот. – Мы не будем воевать с французами, вместо того мы ударим их по карману. Если будет такое ваше высочайшее решение, то первым делом мы можем перекрыть поставки зерна – до тех пор, пока зачинщики и организаторы покушения на Франца Фердинанда не будут выданы в руки международному правосудию...

– Вы считаете, что нам необходимо обзавестись такой штукой, как наднациональный суд? – спросила Ольга. – Вы же сами ругали похожую структуру своего времени во все корки.

– Да, ругал, – ответил канцлер, – и правильно. Какой же это суд, когда сербов судят даже за мнимые преступления против хорват и бошняков, а преступления против сербов, в свою очередь, не замечают даже в самых вопиющих случаях? На суд такая система похожа мало – скорее, это расправа, которой придается только видимость законности. Если мы допустим тут что-то похожее, то грош нам цена. И в тоже время бывают случаи, как сейчас, когда преступление совершается не против отдельных людей или конкретного государства, а, так сказать, в глобальном масштабе, и попытка развязать общеевропейскую войну тоже относится к этой категории. Судить за такое тоже надо глобально, с широчайшим распубликованием в прессе, разъясняющей почтеннейшей публике грехи и преступные действия провинившихся персонажей.

– Я думаю, что это должно быть что-то вроде Нюрнбергского трибунала, – убежденно сказал русский князь-консорт, – только не по факту уже случившейся войны с огромными жертвами, а когда зачинщиков поймали со спичками еще до того, как те сумели что-нибудь поджечь.

– Да, именно так, – подтвердил канцлер Российской империи. – И к тому же не стоит забывать, что покушение на монаршую особу – само по себе тягчайшее преступление. В случае с господином Эренталем нам пришлось обойтись без очного суда, но на этот раз у нас на руках все нужные карты. Заказчики цареубийства схвачены за руку, а потому открытому процессу –

быть. И ударить он должен не только по радикальной французской политике, но и по так называемому демократическому устройству государства. Чтобы нигде и никогда ни одна страна не делала манипуляции человеческим мнением основой своей внешней и внутренней политики.

– Совершенно с вами согласен, – воскликнул кайзер Вильгельм, – покушение на помазанника Божьего – это так плохо, что не может прийти в голову нормальному человеку. Но скажите, что такое Нюрнбергский трибунал, кого и за что он судил? А то мне как немцу очень интересно.

Канцлер Одинцов как-то странно хмыкнул и сказал:

– Нюрнбергский трибунал судил Германию – точнее, ее правителей – за развязывание агрессивной войны, унесшей жизни пятидесяти миллионов человек. Всех подсудимых, кто не догадался покончить с собой ранее, признали виновными и повесили за шею. Но к вам, Вильгельм Фридрихович, сие не относится ни в малейшей степени, потому что монархия в Германии пала по итогам Первой Мировой войны, а на Нюрнбергском трибунале, случившемся почти тридцать лет спустя, судили за развязывание Второй мировой войны. И если рассуждать о вреде и пользе мировой демократии, то следует отметить, что виновные в величайшем преступлении в истории пришли к власти как раз вполне демократическим путем на всеобщих выборах. Вот такая прямая параллель с нашими нынешними французскими делами.

– Ну хорошо, – после некоторых раздумий сказал британский король, – наверное, нам надо согласиться и на прием большинством голосов в Брестский альянс двух новых членов, и на дополнительные соглашения к основному пакету: «Об обеспечении безопасности колоний», «о сохранении внутренней безопасности», а также «о Международном суде Брестского альянса».

– Да, дядюшка, вы совершенно правы, – кивнула императрица Ольга. – А если французам это не понравится, то они могут катиться из Брестского альянса на все четыре стороны, и в дальнейшем пытаться жить своим умом. Дядя Вилли им при этом в помощь.

Услышав эти слова, кайзер Вильгельм заржал как кирасирский конь.

– Да нет уж, – просмеявшись, сказал он, – парижские пигмеи горазды только толпой нападать из-за угла, но если поставить их у расстрельной стенки, то они будут готовы добровольно съесть не одно ведро свежей горчицы. Вот увидите – стоит вам нахмурить брови и пригрозить Парижу этими самыми санкциями, как болтуны из Национального собрания сразу выдадут вам всех виновных, повязав их по рукам и ногам розовыми ленточками. Франция – самая независимая страна в Европе, потому что с недавних пор от нее ничего не зависит.

Принцесса Виктория склонилась к уху отца и прошептала несколько слов.

– Ах да, – будто очнувшись, сказал король Эдуард, – моя дочь говорит, что у кузины Хельги ко всем нам есть очень важное сообщение, никак не связанное со всеми предыдущими делами. Надеюсь, что это все-таки хорошие новости, после которых мы с большим удовольствием пойдем обедать, ибо время к тому уже наступило, а разговоры о политике развивают у меня просто зверский аппетит...

– Да нет, дядя Берти, ты ошибаешься, – сказала императрица Ольга, – известие, которое я хочу вам сообщить – такого толка, что и не знаешь, за что хватиться.

– Так... – сказал британский король, – уже интересно, я просто-таки изнываю от нетерпения...

– Дело в том, что к нам в гости летит комета... – сказала Ольга нарочито равнодушно.

– Комета? – с несколько дурацким видом переспросил кайзер Вильгельм.

– Да, – сказал канцлер Одинцов, – симпатичная такая комета – ком водяного льда и смерзшихся газов, диаметром в несколько километров, в каменно-пылевой упаковке. Когда все это долетит, а это будет тридцатого июня будущего года – случится взрыв мощностью в пятьдесят миллионов тонн тротила. И где это произойдет – пока большой вопрос, понятно только, что точка падения кометы будет находиться где-то на высоте десяти километров между сороковым и шестидесятым градусом северной широты...

Присутствующие монархи, чьи владения с неумолимой точностью вписывались в этот диапазон, выглядели несколько обалдевшими. Во-первых, мощность взрыва в пятьдесят миллионов тонн тротила выглядела невероятно огромной: никто и никогда таких взрывов на поверхности планеты еще не производил. Во-вторых, ошарашивала неопределенность угрозы «где-то между». Конечно, каждый из монархов примерял удар на свою столицу, но при этом все они понимали, что указанные территории, за исключением Европы, в основном (процентов на восемьдесят) состоят из пустынных пространств Атлантического и Тихого океанов, канадской и сибирской тайги, а также среднеазиатских пустынь, где вполне безопасно можно производить взрывы любой мощности. Своего рода русская рулетка с одним патроном в барабане из шести.

– Эээ... – сказал британский король, – мы так не договаривались. Воспринимать такие новости на голодный желудок совершенно невозможно. Давайте мы все-таки прервем наше заседание на некоторое время, чтобы потом вернуться к делам с новыми силами. Мне, например, абсолютно непонятно, почему это вопрос между нами всплыл так внезапно, ведь, судя по всему, моя племянница Хельга и ее клеветы из будущего с самого начала были в курсе этой темы. В связи с этим возникают вопросы, какие еще неприятные сюрпризы припрятаны в бездонных карманах мистера Одинцова...

– Там, в нашем прошлом, – сказал канцлер Одинцов, – комета упала в глухой тайге в районе Подкаменной Тунгуски, отчего и вошла в историю как Тунгусский метеорит. Примерно полгода назад, не полагаясь на детерминированность событий, мы передали все известные нам материалы независимому эксперту, на роль которого выбрали директора Пулковской обсерватории, академика Оскара Андреевича Баклунда. К доложенным вам выводам этот человек пришел абсолютно неожиданно для нас, буквально в тот самый момент, когда испустил дух император Франц-Иосиф. Академик Баклунд тоже сейчас здесь, в Вене, и готов сам выступить перед сим почтенным собранием и рассказать, почему он пришел к подобному заключению. Но, самое главное, пока мы не приняли какого-то определенного решения, я прошу вас сохранять это сообщение в тайне – особенно от падкой на сенсации прессы, ведь паника, которая непременно вспыхнет среди обывателей при таком известии, может оказаться страшнее любой кометы.

– Последнее мы понимаем ничуть не хуже вас... – озабоченно пробурчал британский король. – Итак, встречаемся здесь через два часа. Приводите своего мистера Баклунда, поговорим. А сейчас идемте, господа – такие сообщения положено перебивать хорошеньким обедом.

16 сентября 1907 года, вечер. Австро-Венгерская империя, Вена, Британское посольство, королевские апартаменты.

Король Эдуард Седьмой и принцесса Виктория Великобританская

Этот день для королевского семейства выдался богатым на впечатления, и по его итогам король решил посоветоваться со средней дочерью, которая в последнее время стала своего рода экспертом по новым политическим веяниям.

– Понимаешь, Тори, – говорил король, потягивая грог перед камином, – что-то мне от всех этих изменений не по себе. Хочется вскочить с места и бежать в нашу старую добрую Англию, чтобы закрыться там на замок и никому не открывать как минимум лет сто. И в то же время умом я понимаю, что так нельзя – ведь от себя не убежишь, а изменения в мире, ставшие результатом деятельности моей племянницы и ее верного клеветы, назрели и перезрели, и любой замок, на который я попробую закрыть Британию, обязательно сломают грубой силой. Россия и Германия уже нашли между собой взаимопонимание, и если Британия воспротивится обновлению Брестского альянса, эта организация может распасться, не просуществовав и полгода, и тогда на ее месте возникнет Альянс Континентальных держав, против которого у нас банально нет методов. Господин Одинцов – мастер подобных комбинаций, с разворотом шах-

матной доски на девяносто градусов. Нет уж! Вскочив на тигра, надо скакать на его спине до конца, а иначе он сбросит тебя на землю и сожрет.

– Не понимаю причины твоего беспокойства, отец, – пожалала плечами Виктория. – В новом мироустройстве Британия все равно сохраняет статус Державы, Над Которой Никогда Не Заходит Солнце. Никто не покушается ни на наши колонии, ни на положение Владычицы Морей, а все потому, что наш флот остается сильнейшим в мире.

– Э нет, дочь, – вздохнул Эдуард Седьмой, – на самом деле не все так радужно, как ты говоришь. Численно наш флот сильнейший, а вот качественно – уже нет. Русские карманные линкоры типа «Гангут» кроют нашего «Дредноута» как туз валета, а на стапелях у них лежат кили кораблей второй, улучшенной серии. По расчетам наших специалистов, новые русские линкоры с несколькими модернизациями прослужат лет сорок, до полного износа корпусных конструкций, а вот «Дредноут» можно будет списывать в утиль уже лет через десять. Пока в строю броненосцы предыдущего поколения, он еще на что-то годится, а потом его можно выводить в третью линию или сразу на разделочную верфь. А сколько было напрасных надежд на то, что один этот чудо-корабль разом устршит всех наших врагов... А теперь представь, что будет, когда коррективы в свою кораблестроительную программу внесет Германия. Если кайзер Уильям поставил себе целью завоевание Южной Америки, без мощного флота ему не обойтись.

– Я не понимаю твоих страхов, отец, – с недоумением сказала Виктория, – теперь, когда Брестский альянс из антигерманского союза превратился в инструмент поддержания в Европе вечного мира, нам некого бояться, ибо больше нет державы, которая может покуситься на владения Британской короны.

Британский король отрицательно помотал головой, будто старый конь, отгоняющий назойливого овода.

– Ты не права, Тори, – сказал он, – есть одна держава, которая не подписывала Брестских соглашений, и вообще находится не в Европе. Я имею в виду наших американских кузенов. Предки англичан ассимилировали сначала исходное британское население наших благословенных островов, а потом и своих нормандских завоевателей. Зато кузены своих аборигенов попросту уничтожили. И я уверен, что точно так же они уничтожат и британцев, как только поймут, что мы стали мешать их беспредельному расширению по планете Земля. Когда-то их предки бежали из Британии от голода, нищеты, политических или религиозных преследований, но настанет день, когда они пожелают вернуться, чтобы принести на родину предков свои порядки. А для Британии это смерть.

Виктория подумала и ответила:

– Миссис Дарья (*Одинцова-Спиридонова*) говорила по этому поводу, что в наше протестантское мироощущение вложено такое понятие, что если преступление осталось безнаказанным, то это значит, что Бог его одобряет, а мы – его любимые дети. Потом мы снова совершаем еще одно, еще более кошмарное преступление, но оно тоже остается безнаказанным, потому что мы самые могущественные мерзавцы на этом свете. И так до тех пор, пока терпение Небес не истощается окончательно, и мы не падаем в яму, которую сами же себе вырыли. Даже наши эмигранты, отправляясь в Австралию, Новую Зеландию или Америку, сразу выбрасывают из своих сердец и зловонный туманный Лондон, и зеленые холмы патриархальной старой доброй Англии. И я их понимаю. Невозможно испытывать любовь к тому, что исторгло тебя прочь, выбросило во внешний мир, как ненужную ветошь. Даже если мы позовем этих людей и их потомков обратно, они уже не вернуться. Да и зачем им, ведь они уже не англичане, а новозеландцы, австралийцы, американцы и канадцы. И только из жаркой Индии наши чиновники в итоге возвращаются к родным пенатам, но это совершенно отдельная история.

– Да, Тори, – кивнул король, – Индия для нас – совершенно отдельная история. Не объект для колонизации, а захваченная сокровищница, которую следует разграбить так, чтобы в

ней не осталось ни единой монетки. Согласен я с тобой и по поводу нашего протестантского мироощущения. Моя маман в деле совершения корыстных преступлений была большая дока. За опиумные войны в Китае нас будут ненавидеть еще лет сто, если не больше...

– Больше, отец, значительно больше, – вздохнула Виктория, – там, в двадцать первом веке, Китай, превратившись в одну из трех сущих мировых сверхдержав, никому ничего не забыл и не простил.

– Китай – мировая сверхдержава? – спросил король таким удивленным тоном, будто дочь сообщила ему о том, что в будущем Англия была завоевана эскимосами.

– Да, сверхдержава, – подтвердила Виктория. – А чему ты удивляешься? Китайцы многочисленны, дисциплинированы и организованы, а неудачи их последней модернизации скорее объясняются тем, что молодое вино попробовали налить в старые мехи. Пройдет еще примерно полвека, мехи обновятся – и тогда Китай покажет миру чудеса скорости промышленного роста и уровня самоорганизации. И ничего удивительного, ведь на протяжении пяти тысяч лет своей истории китайское государство много раз достигало величия, а затем впадало в ничтожество. Для него этот процесс был похож на русские качели²: вверх-вниз, вверх-вниз. Сейчас эти «качели» находятся в своей нижней точке, но скоро пойдут вверх.

Король немного подумал и сказал:

– Ну хорошо, Тори, Бог с ним, с Китаем, полвека для нас с тобой – это почти вечность, которую вряд ли получится преодолеть. Скажи, какое положение в том мире занимает Британия?

– Британия в мире будущего – это обычная европейская страна с обветшавшими остатками былого величия, – со вздохом произнесла принцесса. – Никаких качелей, только неотвратимое скольжение в пропасть. Ресурсы исчерпаны, колонии отделились, нация поглупела и сильно уменьшилась в числе, а значительную часть населения составляют выходцы из бывших колониальных владений. Тамошнего премьер-министра Терезу Мэй, вульгарную и крайне неумную особу, у нас не взяли бы даже кухаркой в приличный дом.

– Но почему так получилось?! – воскликнул король. – За что нашей стране такая злая участь?

– Разве ты забыл, отец, что, совершая все более и более кошмарные преступления, мы прогневали Всемогущего Господа Бога? – с горечью произнесла Виктория. – Последней каплей, как мне кажется, была наша война с бурами. Ради золота и алмазов мы ограбили наших ближайших родственников, и еще раз потеряли самый цвет британской молодежи. Наша элита вырождается. Лучшие из лучших, в том числе и в знатных семействах, погибли в боях с бурами, а плодами их побед воспользовались совсем другие люди. Дальше будет только хуже. В то время как самые умные, храбрые и принципиальные будут либо уезжать в колонии, либо погибать в войнах, их место займут воинствующие посредственности. Ни один селекционер не станет отбраковывать лучших представителей породы и позволять размножаться худшим, но мы именно это и делаем с нашими правящими кругами, и вообще всем народом. Я готова сделать все возможное и невозможное, чтобы прервать этот процесс, но осознаю, что не в силах хоть что-нибудь сделать. Великобритания для меня все, но я для нее никто.

– Я думал, Тори, что ты знаешь, а точнее, догадываешься... – осторожно сказал король. – Ведь я оставил тебя в Петербурге не просто так, а чтобы ты набралась там специфического политического опыта, который можно получить, только общаясь с русскими из будущего. С точки зрения политических взглядов, ты моя и только моя дочь, но если смотреть со стороны талантов правителя, то ты законная внучка своей бабушки. Мне осталось уже недолго, а потому

² Качели – изначально славянская культовая забава, в Европу и Северную Америку она стала проникать только в начале двадцатого века.

Британия отчаянно нуждается в королеве Виктории за номером два, чтобы она правила к вящей славе Империи, Над Которой Никогда Не Заходит Солнце.

– Знаешь, отец, – смущенно сказала королевская дочь, – для меня это как-то необычно. И главное, что на такую замену скажет мой братец Георг? Мы с ним очень дружны, и мне не хотелось бы, чтобы наши отношения испортились из-за задуманной тобой политической комбинации.

– Георг, как ни странно, не против такой рокировки, – хмыкнул король. – Он сказал, что ты – единственная, кому он готов без борьбы уступить место на троне. Вероятно, что его вдохновляет пример твоего кузена Майкла, с легкостью уступившего престол сестре и первым принесшего ей клятву верности...

– Там, в другом мире, судьба кузена Майкла была крайне печальной, – вздохнула Виктория. – Он не нашел своего места в жизни, женился на охотнице за статусными женихами из простолудинок, дважды разведенной, а потом был убит при сомнительных обстоятельствах двумя пьяными забулдыгами. Я думаю, что на него благотворно повлияло знакомство с будущим князем-консортом. Именно дружба с господином Новиковым превратила Майкла из неврастенического юноши, которого считали лишней деталью в династических раскладах, в уверенного в себе взрослого мужчину. Они оба как сапоги из одной пары, и нет у русской императрицы более преданных слуг, чем муж и брат.

– Вот и ты будь другом своему брату, тем более что наследовать тебе будет кто-то из его сыновей, – сказал король.

– Почему «кто-то», отец? – удивилась принцесса. – Эдуард – старший из братьев, а значит, ему и быть наследником.

Король поднял палец вверх и назидательно произнес:

– Во-первых, потому, что нам еще предстоит пережить визит Кометы. Поскольку этот небесный бульжник не сможет одновременно упасть на Лондон и Петербург, то наша семья перед падением разделится. Я останусь в Лондоне, Георг-старший с Марией и Эдуардом отправятся в путешествие в Австралию, а ты и Георг-младший будете в Петербурге. Не хотелось бы, конечно, но я уверен, что если в России случится худшее, то императрица Ольга и ее сверхрешительный супруг сумеют спастись сами и спасти своих близких.

– Я думаю, что в первую очередь они будут спасать своих подданных, и уйдут из-под удара последними, ибо по-иному им невестно, – убежденно сказала принцесса Виктория.

– Так даже лучше, – кивнул король, – значит, Тори, ты должна научиться у них еще и правильно относиться к британскому простонародью. Некоторые тут воспринимают его только как гумус под ногами благородного сословия, но я считаю, что это большая ошибка. Именно простонародье делает Британию Великой Державой, и если его не станет, то наша страна слудется, как шар, из которого выпустили воздух. И это вторая причина, по которой сейчас рано называть имя твоего предполагаемого наследника. Следующим после тебя королем Великобритании будет не самый старший из принцев, а самый умный, и при этом искренне переживающий за доверенную ему страну. Это единственный способ максимально замедлить наше скольжение в пропасть, тогда как остальные пути ведут прямо в ад.

– Понимаешь, отец, – с серьезным видом произнесла королевская дочь, – возможно, вопрос простонародья будет ключевым для будущего нашей Империи. Давай вынесем Комету за скобки и рассмотрим ситуацию с ведущими мировыми державами так, будто испытываемый нами сейчас страх непременно закончится праздничным салютом.

– Ну хорошо, – согласился король, – давай посмотрим, чему ты нам научилась в Петербурге у русской императрицы и ее жутковатых наставников. Начнем с Австро-Венгерской империи...

– Э нет, отец, – вздохнула наследница престола. – Австро-Венгерскую империю мы проигнорируем, потому что она прекратит свое существование вместе с последним из Габсбургов.

В будущем ее австрийская часть усилит Германию, а Венгрия, Богемия и Хорватия превратятся в кучу мелких, никому не интересных государств, вроде Швейцарии. Мировым державам этот питательный субстрат не конкурент. Начинать анализ следовало бы с Германии. Эта густонаселенная, почти монолитная в этническом плане страна, обладает развитой промышленностью и наукой, опирающейся на созданную Бисмарком систему образования. У Германии есть все, кроме достаточного количества жизненного пространства. Все свои внутренние территории это государство уже полностью освоило, что делает его потенциальным агрессором, стремящимся к завоеваниям...

– Да, Тори, это верно, – кивнул король. – Только немцы до последнего момента не знали, в какую сторону им направить свои стопы. На восток – за русскими черноземами, рудой и лесами, или в Африку и Азию, оспаривать наши и французские колонии.

– На востоке немецких солдат не ждет ничего, кроме братских могил, где пятеро будут лежать под одним крестом, – сказала британская принцесса. – Тотальная война с европейскими завоевателями – это такая русская национальная традиция, а канцлер Одинцов и князь-консорт Новиков грозят довести это дело до невероятных высот. И кайзеру Уильяму это положение активно не нравится, ведь он не собирается хоронить свой народ на русских просторах. В то же время в частном порядке немцы имеют возможность поодиночке ехать в Россию, селиться на ее землях и вращаться в них. Весьма популярное занятие не только у беднейших слоев населения, но и у младших сыновей в семьях промышленников и аристократов. Деловые возможности в бурно растущей стране выше, чем в среднем по Европе, вакантных должностей и пустующих деловых ниш много, и это подстегивает желание немцев заполнить собой этот вакуум. Но, как и в случае с англичанами, уезжающими в колонии, эти люди, переселившись в Россию, перестают быть немцами и начинают постепенно превращаться в русских. Германия, таким образом, умеренно ослабляется, а Россия усиливается, и это положение кайзеру Уильяму не нравится почти так же, как идея тотальной войны. Он бы и хотел никуда не отпускать своих подданных, но в таком случае дело кончится тем, что эти люди, не находя себе выхода, разнесут империю Гогенцоллернов в клочья. Отсутствие завоевательных походов в переполненной людьми стране обычно заканчивается революциями и гражданскими войнами – неважно, дикие это арабские племена или цивилизованная европейская страна. Мистер Одинцов говорит, что со времен пещер и каменных топоров человеческая натура изменилась мало, и из-под обличья цивилизованного джентльмена в любой момент готов вылезти кровожадный дикарь.

– Германцев последнее определение касается больше всего, – хмыкнул король. – Мне кажется, что, собираясь завоевать Аргентину, мой племянник Уильям ищет для себя и своих технизированных варваров выхода прямо через стену, не затрудняясь поиском двери. Даже если на помощь Германии будут мобилизованы все транспортные флоты Брестского Альянса, ему не удастся в разумные сроки перебросить в Южную Америку необходимое количество колонистов. Немцы в Германии будут размножаться быстрее, чем он будет успевать их вывозить прочь. Канаду, Австралию и Новую Зеландию мы заселяли в течение десятилетий, и при этом внутренняя рождаемость всегда превышала внешний приток. Скорее я поверю, что тем или иным способом лишние немцы переселятся в Россию. Эта страна гораздо ближе, и ее с Германией связывают великолепные железные дороги, которыми при хорошем управлении можно перевезти в несколько раз больше мигрантов, чем по морю. Не зря же господин Одинцов говорил, что Европа может войти в Россию и раствориться в ней, как кусочек сахарной головы растворяется в стакане кипятка.

– На самом деле этот господин имел в виду завоевание Европы Россией в случае последней тотальной войны, – ответила Виктория. – Но и переезд в Россию самой деятельной и умной части населения тоже укладывается в эту концепцию, потому что тогда никакое завоевание не потребуется, и через недолгое время Европа сама падет в русские руки. На самом деле Рос-

сия – это единственная страна в Европе, которая умеет наращивать свое национальное ядро, превращая в русских все прочие народы, даже те, с которыми она когда-то враждовала.

– И какой же из всего это вывод? – спросил король.

– Вывод простой, – сказала принцесса, – такой же особенностью переваривать чужеродных пришельцев обладают Североамериканские Соединенные Штаты. Добиваются наши кузены того же результата несколькими иными методами, чем русские, но для первичного анализа это неважно. Вдобавок ко всему, их государство на североамериканском континенте находится в изолированном положении. С запада и востока янки граничат с двумя великими океанами, с юга – с бессильной Мексикой, а с севера – с нашей Канадой, которую им давно уже хочется завоевать. У нас же сейчас ресурсов для третьей англо-американской войны нет совершенно, и, честно говоря, Канада – не столь ценный актив, ради которого стоит устраивать драку насмерть.

– Именно поэтому я и предложил заключить в рамках Брестского Альянса «Соглашение об обеспечении безопасности колоний», – проворчал король. – Тот, кто раззявит пасть на нашу Канаду, будет иметь дело с племянницей Хельгой и ее миньонами. А это, скажу я тебе, удовольствие ниже среднего.

– Все верно, отец, поэтому наше будущее лет на пятьдесят вперед – это противостояние Брестского альянса равновеликой ему Североамериканской Торговой Империи. Иначе вопрос конкуренции с нашими кузенами не решается в принципе; по отдельности они способны задавить своей мощью любую европейскую державу. В новом мире германский и русский флоты будут драться не против нашего Роял Нави, а вместе с ним станут осаживать неумеренное могущество янки, которым в ближайшем будущем станет тесно в Новом Свете и захочется господства над всем миром. Знаешь, у русских из будущего есть поговорка, что паровозы надо давить, пока они просто чайники, и я согласна с этим мнением.

– Так получается, что Великобритания становится придатком Брестского альянса, а точнее, России? – недовольным тоном спросил британский король. – Мне, честно сказать, это не нравится.

– Мне тоже, – вздохнула британская принцесса, – но следует понимать, что в долгих играх больших парней унаследованное тобой от бабушки наше величие по большей части оказывается дутым. Такая уж мы нация – за тысячу лет не сумевшая сплавить в неразрушимый монолит даже население наших собственных островов, не говоря уже о колониях. Шотландцы и валлийцы у нас себе на уме, а ирландцы и вовсе активно враждебны. Национальное ядро у нас очень небольшое и непрерывно подвергающееся эрозии. И даже при таком положении дел твоя мать устроила войну в Южной Африке, сделав нашими непримиримыми врагами живущих там буров. В связи с этим мне трудно представить ситуацию, при которой Британия сможет снова выйти на траекторию роста. После того, как десять лет назад был пройден пик могущества нашей Империи, ее участь – одно лишь непрерывное ослабление, и мы можем только замедлить, но не остановить этот процесс. Медленнее всего он будет протекать, если мы максимально полно встроимся в Брестский альянс, постаравшись по возможности освободиться от всех ненужных обременений, и в тоже время мертвой хваткой будем держаться за все, что необходимо для выживания. Прости, отец, но свою задачу как будущей монархини я понимаю именно так.

– Задала ты мне задачу, Тори... – вздохнул король. – Буду думать над твоими словами, пока что-нибудь не придумаю. А сейчас давай идем ужинать, поздно уже, а то заговорились мы с тобой сверх всякой меры...

16 сентября 1907 года, вечер. Австро-Венгерская империя, Вена, Германское посольство, королевские апартаменты.

Кайзер Вильгельм и другие

В Вену кайзер Вильгельм отправился в сопровождении своего министра иностранных дел Генриха фон Чиршки и личного друга статс-секретаря по морским делам адмирала Альфреда фон Тирпица. При этом рейхсканцлер Бернгард фон Бюлов и начальник Германского Генштаба Хельмут фон Мольтке (младший) остались в Берлине стеречь порядок и безопасность Германской империи. Правильно, армия – это настоящее Германской империи, а вот флот, в свете большой колониальной программы – ее будущее. И вот, после тяжелого разговора в узком кругу о предстоящем падении кометы, кайзер решил посоветоваться со своими приближенными.

– Итак, господа, – сказал он, – первая часть нашей программы – вступление в Брестский альянс – складывается просто замечательно. Конечно, хочется надеяться, что французы воспротивятся совместному решению русской императрицы и британского короля, и тогда нам позволят разобрать их на части, но думаю, что ничего подобного не случится. Этим мусью уже не раз приходилось принимать позу «чего изволите» и вылизывать штитлеты победителя, и в этот раз будет то же самое. Из рук госпожи Хельги и ее рейхсканцлера³ еще не такие обормоты ведрами жрали горчицу.

– После того как главарей лягушатников поймали за руку на попытке убийства эрцгерцога Франца Фердинанда, у них творится самая натуральная паника, – сказал Генрих фон Чиршки. – Моментально нашлись газеты, которые стали перепечатывать у себя материалы сербской, австрийской, германской и русской прессы, что в кратчайшие сроки довело кастрюльку с французскими помоями до бурного кипения. Господин Клемансо висит на волоске. Его не отставили от премьерства только потому, что в такой вонищей ситуации больше никто из парижских политических деятелей не желает братья за государственный штурвал, зато когда все закончится, охотники взять власть сразу набегут толпой.

Кайзер сказал:

– Фактически уже завтра-послезавтра русские и британцы выкатят пожирателям лягушек и улиток сразу два требования: выдача господина Клемансо в руки международного правосудия и одобрение присоединения к Брестским соглашениям Германской и Австро-Венгерской империй. В случае отказа последуют жесткие репрессии со стороны старших партнеров, но я в отказ не верю, так что этот вопрос можно считать решенным. Политическая рептильность перед превосходящей силой у французов в крови.

– Скорее всего, вы правы, – после некоторых раздумий сказал Генрих фон Чиршки, – но я не понимаю, с чего это вдруг русские и британцы проявили такой бурный энтузиазм по поводу нашего присоединения к Брестским соглашениям...

– Понимаете, Генрих, – хмыкнул адмирал Тирпиц, – как мне кажется, главную роль во всей этой истории играют два фактора. Во-первых – русские и отчасти британцы действительно хотят установления в Европе вечного мира. Россия сейчас осваивает свои немереные просторы гор, лесов и полей, и не хочет, чтобы ей в этом интересном занятии кто-то мешал. Как сказал один из тамошних деятелей, «приходите к нам через тридцать лет – и вы не узнаете Россию». Второй фактор – это необходимость объединить Европу в противостоянии янки и выдвинуть на передовой рубеж этого противостояния Германскую империю. И у России, и у Британии нет никаких планов колониальной экспансии в Новом Свете. Англичане и так уже переобременены колониями, и последние их приобретения в Месопотамии уже готовы вызвать на берегах Туманного Альбиона приступ жестокой изжоги, а русские в принципе расширяются только в непосредственных окрестностях своих границ... Цусимское Великое Княжество при этом не в счет. Оно необходимо только для того, чтобы брак господина Новикова с императрицей Ольгой не сочли морганатическим, а еще чтобы пришельцы из будущего имели клочок земли, где они с полным правом могли бы устроить жизнь в соответствии со своими вкусами. Это такая

³ Рейхсканцлер – дословный перевод названия должности П. П. Одиноца канцлер Империи.

яркая витрина Прекрасной России Будущего, которую строят императрица Ольга и ее личные друзья, пришельцы из будущего.

– Да, мой добрый Альфред, именно так! – воскликнул кайзер, дослушав своего статс-секретаря по морским делам. – Русским и британцам новые колонии не нужны, зато Германия нуждается в возможности для приобретения новых заморских владений, без которых нас просто разорвет на части. Но при этом мы с янки не будем один на один. Соглашение об обеспечении безопасности колоний гарантирует нам в случае необходимости помощь британского флота, а Российская империя станет надежным поставщиком сырья и продовольствия, без которых не сможет существовать германская промышленность. Но самое главное, – кайзер поднял вверх указующий перст, – после присоединения к Брестским соглашениям мы сможем получать из России технические сведения, необходимые для того, чтобы Германия стала первой промышленной державой в мире. Ну вы понимаете, о чем я. Крупп, Тиссен и Фарбендиндустри уже в нетерпении бьют ножкой, несмотря на то, что за эти сведения им придется уплатить немаленькую цену – не только полновесными германскими марками, но и поставками промышленного оборудования, которое раньше русским приходилось приобретать втридорога через третьи руки. Но приобретаемые сведения того стоят.

– О да, – сказал адмирал Тирпиц, – сверхброненосцы типа «Гангут» премного удивили наших флотских, когда те не смогли поймать движущуюся экономическим ходом русскую императорскую эскадру, даже разогнав пары до предельных показателей. Более того, по данным нашей военно-морской разведки, боевыми характеристиками новых русских кораблей смущен и озадачен был даже британский адмирал Фишер. Его «Дредноут» рядом с детищами творчески переработанного опыта будущих времен выглядит как гадкий ошипанный цыпленок рядом с гордым орлом. Как мне кажется, именно поэтому британцы на переговорах были такими тихими и покладистыми...

– О мой добрый Альфред... – вздохнул кайзер, – что-то мне подсказывает, что если бы мы сами были бы чуть менее заносчивыми и чуть более расторопными, то сейчас речь бы шла о присоединении Британии к русско-германскому альянсу, а Францию договаривающиеся стороны рассматривали бы только как жирного каплуна, предназначенного для запекания в духовке. Ну да ладно, господа, не будем о грустном. Ваш кайзер в этом смысле оказался полным идиотом, и нам еще повезло, что Германии в последний момент удалось вывернуться из той ловчей ямы с кольями, которую ей приготовила госпожа История. Сейчас нам надо думать о будущем...

– Наше будущее – это флот! – отрапортовал адмирал Тирпиц. – На европейском континенте нам расширяться некуда, а потому следует понимать, что недостаточно, используя могущество нашей индустрии, просто настроить большое количество новых кораблей. Эти корабли должны быть лучше, чем у англичан и американцев, и ничуть не хуже, чем у русских. Просто русским их внутренних территорий хватит еще лет на сто или на двести, а нам срочно нужно искать свободное жизненное пространство за пределами европейского континента.

– Думаю, мой добрый Альфред, что лет десять⁴ у нас еще есть, – сказал кайзер, – времени достаточно, чтобы построить новый флот и обучить десантный корпус по лучшим русским образцам. Но я сейчас хотел бы поговорить о более важных вещах. Мой добрый Генрих, скажите мне на милость, кто это в вашем ведомстве активно работает на французское Второе

⁴ В нашей истории планы перевооружения германской армии и флота были рассчитаны до 1918 года – очевидно тогда, по замыслу кайзера Вильгельма и должна была начаться Первая Мировая Война. Сараевский инцидент смешал карты всем игрокам, за исключением французов, которые за год до того почти вдвое (с 480 до 750 тысяч) подняли численность армии мирного времени. Помимо увеличения срока службы с двух до трех лет (что позволило на год задержать увольнение в запас солдат, призванных в 1911 году), с 21 года до 20 лет был снижен призывной возраст, что позволило призвать в осеннюю кампанию 1913 года сразу два призывных контингента.

Бюро? Как я погляжу, нам есть чему поучиться не только у князя-консорта Новикова и рейхс-канцлера Одинцова, но и у господина Мартынова, главного Торквемады русской императрицы.

– Ваше королевское величество! – вспыхнул Генрих фон Чиршки, – я не понимаю, о чем вы говорите...

– Дело в том, – вкрадчиво начал кайзер, – что в Париже каким-то образом стали известны результаты моих переговоров с русской императрицей по поводу присоединения Германии к Брестским Соглашениям, и именно это поставило под угрозу жизнь моего друга Франца Фердинанда. Именно получив сведения о запланированной нами политической комбинации, кровавый маньяк Клемансо задумал Белградское убийство с целью срочно перессорить между собой все народы Европы. При этом комбинации, которые русские обсуждают в своем узком кругу, не становятся известными посторонним, и мир узнает о них только тогда, когда начинают греметь пушки или русский МИД делает официальное заявление. И даже предварительные переговоры с британским королем не стали предметом международного обсуждения до тех самых пор, пока собравшиеся в Бресте политики не провозгласили подписание судьбоносных соглашений. Я тоже обсуждал вопрос новой германской политики только с вами и вашими сотрудниками. Кузина Хельга так прямо и заявила мне, что в вашем ведомстве, герр Чиршки, ценнейшая информация утекает как из дырявого ведра! Ну, отвечайте мне – кто у вас там так любит французов, что передает им даже самые секретные политические сведения? – Кайзер постепенно переходил на крик. – Молчите? Ну молчите дальше. В вашем присутствии и больше не скажу ни одного критически важного слова. Впрочем, это только полумеры. Я намерен отправить на стажировку в Петербург несколько десятков самых способных офицеров сыскной полиции, чтобы они потом, набравшись ума-разума, построили нам в Германии такую же секретную службу, как у русских. И вот тогда вы у меня попляшете – всех выведу на чистую воду и разузнаю, кто чем дышит! А сейчас идите. Мне надо обсудить с моим другом Альфредом один важный вопрос.

После этой выволочки несчастный Генрих фон Чиршки выглядел так, что краше в гроб кладут. Криво нахлобучив дрожащими руками шляпу, он взял свой портфель и вышел.

– А теперь, мой добрый Альфред, давайте поговорим серьезно, – сказал кайзер, когда за министром иностранных дел закрылась дверь. – Сегодня я получил сведения о событиях, к которым надо готовиться, но так, чтобы конечная цель этой подготовки не стала достоянием широкой публики.

– Нас ждет еще одна война? – с интересом спросил Тирпиц. – Интересно, с кем?

– Нет, не война, – мрачно ответил кайзер, – гораздо хуже, чем просто война. Примерно через девять месяцев на землю должна упасть крупная комета. Сила ожидаемого взрыва, который случится на высоте десяти километров, составит примерно пятьдесят миллионов тонн в тротиловом эквиваленте. Но наибольшая неприятность заключается в том, что место падения этой кометы определится не ранее, чем за три дня до катастрофы, когда космическое тело первый раз чиркнет по краю земной атмосферы. Я понимаю, что звучит это невероятно, но всему миру известно, что моя кузина Хельга, а также ее муж и канцлер, никогда не лгут. Первоначально они думали, что все произойдет точно так же, как в том, другом мире, где эта проклятая комета взорвалась над такой глухой сибирской тайгой, что это было интересно только полярным медведям. Но потом опытные специалисты, которых в Российской империи еще достаточно, объяснили Хельге и ее самонадеянным клеветам, что им не удастся отделаться таким простым способом. И вот теперь мы с нетерпением ждем 27-го июня будущего года, когда станет понятно, на кого на этот раз Бог пошлет полную чашу своего гнева. Как мне объяснили, не в человеческих силах рассчитать траекторию пролета в атмосфере беспорядочно вращающегося тела неправильной формы.

– Да, – согласился адмирал Тирпиц, – это и в самом деле так. Но что-то же, наверное, известно заранее...

– Заранее, мой добрый Альфред, известно, что падение состоится между сороковым и шестидесятым градусами северной широты, около восьми часов утра по местному времени – и все. В случае самого неблагоприятного развития событий нам придется эвакуировать народ из угрожаемого района на сто километров в ту или другую сторону, а если дела пойдут наилучшим образом, то нам выпадет роль благодарных зрителей, наблюдающих, как суетятся их соседи, спасающиеся от ярости Господнего гнева.

– Будем надеяться, что никому не придется суетиться, пытаюсь спастись от смерти, – хмыкнул адмирал Тирпиц, – ибо семь восьмых указанной территории занимают пространства, по плотности населения мало отличающиеся от сибирской тайги. Даже лягушатники не нагрели настолько, чтобы обрушивать на них такую катастрофу, которая сможет войти в анналы мировой истории как новые Содом и Гоморра.

– Возможно, ты и прав, мой добрый Альфред, а возможно, и нет... – уклончиво сказал кайзер. – Эти лягушатники совершили смертный грех, когда отрубили голову своему королю, и усугубили его, когда впали в ересь республиканства. Из Парижа по всей Европе идет мерзкое развращающее влияние, поэтому мне очень хочется надеяться, что это именно для побиения распутной Марианны Господь припас такой великолепный булыжник.

16 сентября 1907 года, поздний вечер, Австро-Венгерская империя, Вена, Рингштрассе⁵: Кернтнер-Ринг, 16, отель Империял⁶, королевский номер.

Болгарский царь Михаил Четвертый (он же Михаил Романов) и сербская королева Елена Карагеоргиевич

Примечания авторов:

На совещание трех императоров и одной императрицы «младших» монархов не приглашали – там весь Балканский союз представляли императрица Ольга и канцлер Одинцов. Да не очень-то и хотелось. В отличие от Лондона, Вена – место, приятное для пребывания, и при этом не такое вульгарное, как Париж. В компании полковника Слона, королевича Георгия и сдружившегося с ним поручика Шапошникова царско-королевская чета совершила променад по городу Штрауса, Шуберта и Моцарта. Погуляли по набережной Дуная, посидели в уличном кафе, глядя на медленно текущие речные воды, попили кофе с булочками и поговорили на разные отвлеченные темы.

– Хороший город Вена, – сказал размякший оберст Слон, – даже как-то жалко будет в случае необходимости его топтать. Как представишь всю эту красоту, объятую пожарами – так даже такому толстокожему, как я, становится не по себе. Но следует помнить, что прямо сейчас на нашу компанию может выбежать злой и голодный, как лесной волк, юноша по имени Адольф Гитлер. Если Командир не ошибается, то сейчас этот исторический персонаж как раз совершает свою роковую попытку сдать экзамены в художественное училище...

– А почему роковую? – с интересом спросил королевич Георгий. – Неужели что-то могло поменяться, если бы этот страшный человек получил диплом художника?

⁵ Рингштрассе – как следует из названия полукольцевая улица, упирающаяся торцами в Дунайский канал. Проложена по указу императора Франца-Иосифа в середине XIX века на месте снесенных городских стен и рва, отделавших средневековую Вену от пригородов. Улица делится на семь прямых отрезков, каждый из которых носит свое название: Шоттеринг, Университетринг, Рингштрассе, Опернринг, Шубертринг, Паркринг, Штуберинг. В 1850–1860-х годах Рингштрассе была застроена громоздкими разностильными особняками, а название «Стиль Рингштрассе» (нем. Ringstraßenstil) стало синонимом «претенциозной безвкусицы».

⁶ Отель Империял – возведен в стиле итальянского неоренессанса в 1862–1865 годах в качестве дворца герцога Филиппа Вюртембергского. В 1871 году продан группе инвесторов под отель, открытый в 1873 году при участии императора Франца-Иосифа. Именно в отеле «Империял», по традиции, останавливаются монархи, президенты и премьер-министры, прибывающие в Вену с официальными и неофициальными визитами, если не выбирают местом своего проживания посольства своих стран, как обычно делал кайзер Вильгельм II.

– А кто его знает? – пожал плечами Слон. – Быть может, если бы этот персонаж получил диплом художника, вся его деятельность ограничилась бы малеванием страшных картин, на которые так падки богатенькие буржуа, желающие пощекотать себе нервы. Вариант ничем не хуже других. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы людей не кушало.

– Однако страшеньких деток рождает эта страна, – вздохнула королева Елена. – Я думаю, что вся та пряничная красота, которую мы сейчас видим – это только маска, а на самом деле вся эта земля буквально сочится злобой и ненавистью ко всему православному и славянскому. Мой несчастный сербский народ, стонущий под австрийским ярмом, знает это очень хорошо.

Поручик Шапошников подкрутил свой «вильгельмовский»⁷ ус и сказал:

– Уважаемая Елена Петровна, я думаю, что все эти люди, что сейчас суетятся вокруг нас, едва ли думают о том, как убить побольше сербов. Наверняка все их мысли заняты повседневными делами, заботами о хлебе насущном, и они даже не подозревают, что совсем недавно ходили под дамокловым мечом уничтожающей общеевропейской войны. Но в тоже время, стоит прозвучать военной трубе, как все австрийские мужчины наденут шинели и отправятся убивать русских, сербов и болгар. И сделают они это не потому, что ненавидят другие народы, а потому, что такой ненавистью заражены их правящие круги. И этот ваш Гитлер, Сергей Александрович, тоже не станет исключением – ведь он будет одним из многих, лишь только малость худшим, чем остальные. И все покатится по наклонной, художник он там или нет.

– Действительно, скорее всего, диплом художника в данном случае ни на что не повлияет, – пожал плечами Михаил Романов. – Если в человеке есть задатки лидера, то они обязательно выплеснутся в подходящей ситуации. Особенно если это лидер тех, кто идет ко злу – на них накладывается гораздо меньше ограничений, чем на тех, кто творит добро...

– В таком случае, – жестко сказал Слон, – наши люди должны найти его и убить – точно так же, как они уже убивали деятелей эсеровской боевки или много о себе понимающих турецких националистов, в нашем мире устроивших резню христианских народов. Не должно быть таких мерзавцев нигде и никак.

– А мне кажется, – хмыкнул Михаил Романов, – необходимо так изменить политическую картину будущего, что у этого человека просто не будет возможности применять свои политические таланты, и тогда ему придется заняться живописью и архитектурой всерьез. Если хватать исключительно по верхам, то вместо одного мерзавца непременно объявится другой. Нет, выдергивать такое следует с корнем, на три метра вглубь, и исключительно политическими методами. Что моя сестрица и делает при помощи твоего Командира и его товарищей.

На этом разговор в кафе закончился, но его тема запала в память молодой сербской королеве. Она вернулась к ней позже, когда они остались с Михаилом наедине за плотно закрытыми дверями спальни.

– Мишель, мне страшно, – сказала Елена, глядя на мужа широко открытыми глазами. – Я вдруг подумала о том, что все наши усилия – это суета сует, и результат нашей бурной деятельности – не более чем рябь на поверхности мирового бытия. Если миру суждены война, кровь и жертвы, то он это получит в том или ином виде. Я боюсь, что все наши усилия не отменяют страданий моего несчастного народа, а только оттягивают момент их наступления. Я боюсь, что задуманное нами национальное размежевание, против всех ожиданий, приведет к долгой и жестокой войне, а потом к бойне присоединятся и другие страны Европы. Император Франц Фердинанд, конечно, душка, но я же вижу, как все эти местные напыщенные павлины ненавидят его и нас. Если бы не господин Новиков, которого эти деятели боятся до дрожи в коленях, сейчас эта ненависть уже хлестала бы нам в лицо.

⁷ На фотографии молодого Шапошникова, датированной 1907-08 годами, он носит как раз такие усы, очевидно, резко вышедшие из моды в августе четырнадцатого года, а до того считавшиеся символом мужественности и воинственности.

– Эти деятели больше боятся вымуштрованной Александром Владимировичем русской армии, чем его самого, – усмехнулся Михаил. – После Тюрнечена и поражения Японии ее считали одной из лучших армий Европы, а Стамбульская операция подняла русскую военную репутацию на недостижимую высоту. Ударная мощь, быстрота маневра и неуправляемый натиск не оставили османам не единого шанса. Я командовал и при Тюрнечене, и штурмом Стамбула, и могу тебе сказать, что за эти три года была проделана огромная работа. Именно сейчас, когда Болгария приняла строго пророссийскую ориентацию, разгромлена Турция, а Румынию поделили победители, между Российской империей и Сербией стала возможна прямая и скорая транспортная связь, позволяющая сербам чувствовать, что они не одни стоят против всего мира. Россия со всей ее мощью стоит рядом с вами, и, как говорит Павел Павлович, «тот, кто вас обидит, не проживет и трех дней».

– Да, – кивнула Елена, – при императоре Николае мы не ощущали себя в безопасности, ибо русская политика была слаба и непоследовательна, но теперь, во времена твоей сестры Ольги, положение полностью изменилось. Но я все равно боюсь, и не могу ничего с собой поделать. Могущество, которое вы строите, мне кажется основанным на песке, ведь одно дело – разгромить престарелую и одряхлевшую Турцию, и совсем другое – противостоять объединенным силам всей Европы, которая прекратила внутренние ссоры только для того, чтобы обратить внимание на своего главного врага. Что-то говорит мне о том, что всеобщая идиллия и миролюбие закончатся очень быстро, и уже достаточно скоро объединившаяся Европа пойдет завоевательным походом на восток, и первой жертвой этого великого наступления новых ландскнехтов станет как раз Сербия.

Михаил с серьезным видом посмотрел на свою супругу и ответил:

– Поверь мне, Россия готова и к такому повороту событий, и это я говорю тебе не как болгарский царь, а как брат русской императрицы. Наше могущество зиждется не на песке, а на великом русском народе, к нуждам и чаяниям которого моя сестрица относится со всей возможной серьезностью, и народ отвечает ей в этом полной взаимностью. Если на нас нападут, то все сто миллионов русских встанут как один человек, и сколько бы ни продолжалась та война, закончится она только на пылающих руинах Берлина, Вены, Копенгагена, Амстердама, Брюсселя, Парижа и Рима. Такова наша внутренняя политическая установка: если вся Европа вновь пойдет на нас войной как во времена Наполеона, то ей дальше просто незачем существовать. И господа европейцы об этом отчасти знают, а отчасти догадываются, а потому, как мне кажется, будут искать военного счастья где-нибудь подальше от наших границ.

– Но что тогда станет с Сербией, которая непременно окажется на острие вражеского удара? – воскликнула Елена. – Ведь прежде, чем наступать на Россию, враги пожелают устранить угрозу на Балканах. Опять в домах сербов будут страдания, горе, слезы, убитые мужчины и обесчещенные женщины.

– В лоб, со стороны Венгрии и Хорватии, Сербию так просто не взять, – хмыкнул Михаил, – это я говорю тебе как специалист. Для вашего внезапного и полного разгрома был необходим удар с тылу со стороны Турции или предательство Болгарии. И первое, и второе теперь невозможно по определению. Османской империи больше нет, а царем Болгарии работает твой любимый супруг, и болгарский народ его любит ничуть не меньше, чем россияне обожают свою императрицу. И к тому же я не зря говорил про прямую транспортную связь. По указу моей сестрицы уже началось проектирование железнодорожного моста через Дунай, который свяжет между собой Румынию и Болгарию. А это значит, что русские войска и новейшее оружие в любой момент в больших количествах смогут прибыть на помощь сражающейся Сербии.

Немного помолчав, болгарский царь добавил:

– Фактически разгром Турции и укрощение много понимающей о себе Румынии явились первыми сражениями еще необъявленной общеевропейской войны, и одержанные в этих

битвах победы позволили нам занять наиболее выгодную стратегическую конфигурацию. Но главное заключается в том, что никакого единства Европы не существует и в помине. Главные акторы – Франция, Британия и Германия – недолюбливают друг друга, иногда вплоть до лютой вражды, притом, что все они опасаются возросшей российской мощи. В то время как самое большое желание британцев – остаться в стороне от схватки; французы и германцы никогда не смогут сражаться в одном строю, уж слишком сильны их прошлые обиды. Такое может случиться когда-нибудь в отдаленном будущем, под давлением внешней неевропейской силы, но отнюдь не сейчас, когда каждая страна предоставлена самой себе. И в этом их слабость и наша сила, так что ты можешь спать спокойно, не беспокоясь ни о чем. Большая война не придет на сербские земли, и залогом тому будет мощь русской армии и нерушимая русско-сербско-болгарская дружба.

19 сентября 1907 года, 10:05. Париж, Елисейский дворец, заседание правительства в присутствии президента Фальера.

Прошла всего неделя с того момента, как в европейской прессе разразился «Белградский скандал», жестоким эхом отозвавшийся во французской политической жизни. Крысы-министры уже были готовы бежать с тонущего корабля, но их придержали за шиворот со словами: «Постойте. Умели нашкодить, умеете и держать ответ. Побудьте пока в роли исполняющих обязанности». Нет, если бы прегрешение, совершенное Клемансо и его подельниками, имело чисто внутреннее значение (как, например, скандальное дело Дрейфуса), то проштрафившийся кабинет ушел бы в отставку без особых вопросов. Министры, и даже премьеры – это вообще скоропортящиеся и быстрозаменяемые детали демократического государственного механизма, и претендентов на освободившиеся места обычно бывает больше, чем достаточно. Но только не в тот раз, когда на дыбы встали все четыре сущие империи Европы. Расхлебывать чужую кашу дурных нема.

Предыдущим вечером, 18-го сентября, в министерство иностранных дел Третьей Республики одна за другой поступили ноты от Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, России, Сербии и Болгарии, требующие выдачи заказчиков и организаторов покушения в руки международного правосудия. На утро 19-го числа к этим требованиям присоединились Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Италия, Испания, и даже Греция, которую никто и никогда ни о чем не спрашивал. Промолчали только отстраненные от общеевропейских дел шведы, считающие, что и без них великие державы прекрасно разберутся между собой. Британия и Россия, помимо всего прочего, также требовали от Парижа одобрения присоединения к Брестским соглашениям Германии и Австро-Венгрии, а также ратификации соглашения об обеспечении безопасности колоний и положений о международном уголовном трибунале.

Министр иностранных дел Франции Стефан Пишон от такого поворота событий пришел буквально в шоковое состояние.

– Месье, – сказал он, – первое, что я хочу вам сказать – к нашему великому счастью, от военного нападения Германии, или какой другой страны, нас защищают Брестские соглашения. Императрица Ольга – настолько принципиальная особа, что и сама не будет нарушать свои собственные установления, и не позволит делать это другим.

– О да, – с сарказмом произнес Луи Барту, – если бы мы вышли из этих соглашений, как желали некоторые, то на границах нашей милой Франции сейчас уже собиралась бы военная гроза. Гениальная была идея, ничего не могу сказать, но, как я уже говорил, дурацкое занятие – тягаться с пришельцами из будущего в предвидении дальнейшего хода событий.

Клемансо, в чей огород со свистом прилетел этот булыжник, покраснел и набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но тут снова заговорил министр иностранных дел, и проштрафившийся премьер закрыл рот, не проронив ни слова.

– Пожалуй, вы правы, месье Барту, – с кривой улыбкой на лице сказал он, – мы думали, что в Бресте насторожили капкан на кайзера Вильгельма, но попался в него не кто иной, как наш милейший Жорж. Русские все так хорошо устроили с этими соглашениями совсем не потому, что намеревались помочь нам отвоевать Эльзас и Лотарингию, а исключительно ради того, чтобы не допустить развязывания в Европе большой войны.

– Фактически своей победой над Турцией русские поставили Центральные державы в положение предопределенного поражения, – сказал генерал Пикар. – В случае начала войны связь Германии и Австро-Венгрии с внешним миром должна быть утрачена в полном объеме, в то время как коммуникации союзников по Брестскому альянсу продолжали бы действовать через Черноморские проливы и по осваиваемому русскими северному пути через порт Мурман. А дальше все должно было решиться на поле боя, где роль играют только количество штыков и оружейных стволов, выучка войск, тактическое мастерство генералов, да решительность командующих.

– А вот в этом вы правы, – хмыкнул министр общественного развития, искусств и культов Аристид Бриан⁸, – решимости русской императрице не занимать. Если что-то будет стоять у нее на пути, она стопчет это препятствие, и даже не заметит. «Мне наплевать, что вы там хотите или нет, – сказала она нам, – подписывайте то, что предложено, или проваливайте отсюда ждать, пока за вами придут германские гренадеры. Мы готовы драться против всей объединенной Европы, и твердо уверены, что победим в этой войне». Было это всего три месяца назад, а кажется, что прошла целая жизнь. Не думаю, что мой уважаемый преемник смог бы устоять, оказавшись перед столь сокрушительным напором, тем более что отказ от Брестских соглашений означал для нас и прекращение действия русско-французского договора от девяносто третьего года...

– Русская императрица ставила перед собой цель организовать в Европе долгий, в идеале вечный мир, – сказал Стефан Пишон, – и ее вполне устроило, что этого результата получилось достичь без единого выстрела. Вопрос Эльза и Лотарингии для нее глубоко побочный, и ради него эта женщина постесняется сломать пару перьев, а не то что развязать войну с Германией. Черноморские проливы – это совсем другое дело, ради них русские их союзники стерли Турцию с карты мира, как будто этой державы никогда и не существовало в природе.

Генерал Пикар уже открыл рот, желая выступить со своим авторитетным мнением, но Аристид Бриан, по которому совсем недавно в правящей французской камарилье не топтался только ленивый, прервал его прямо на взлете.

– Вы, дорогой Жан-Мари, – едко сказал экс-премьер, – приберегите свое красноречие до заседания того самого международного уголовного трибунала, который Великобритания, Германия, Австро-Венгрия и Россия учредили для расследования вашей деятельности. По счастью, речь идет не о наказании нашей милой Франции, и даже не преследовании всего нашего правительства, а лишь об ограниченном требовании выдачи непосредственных организаторов и заказчиков покушения на наследника австро-венгерского престола. Если бы вам и в самом деле удалось развязать общеевропейскую войну, тогда последствия этой авантюры оказались бы для нас предельно тяжелыми. Сотни тысяч убитых, миллионы искалеченных, разрушенные города и вытопанные поля – вот цена, которую нам пришлось бы заплатить за спорные территории. Или вы думаете, что мы смогли бы одолеть бошей одним решительным натиском, и парадным маршем вступить в Берлин? Да черта с два! Даже русские с их прекрасно отлаженной и проверенной в боях армией постоянной готовности на первом этапе войны, от четырех месяцев до полугода, планируют сдерживать тевтонский натиск на заранее подготовленных оборонительных рубежах. С этой целью по восточным берегам крупных рек, текущих вдоль

⁸ Именно Аристид Бриан, занимавший тогда должность премьер-министра, подписал многократно ругаемые и восхваляемые Брестские соглашения.

западных границ России, возводится рубеж неприступной обороны, новая китайская стена, рядом с которой бледнеет наш оборонительный рубеж в Вогезах. И только потом, когда ярость тевтонского натиска разобьется о неприступную оборону, а в Российской империи пройдет всеобщая мобилизация и полное слаживание наполненных людьми резервных частей, русское командование планирует переходить в решительное наступление на Берлинском направлении. Все это время нам пришлось бы биться с бошами фактически один на один – а это, скажу я вам, не такое простое дело, потому что, не имея выхода на востоке, они со всей сатанинской яростью набросятся на Францию, стремясь как можно скорее взять Париж. В таких условиях, когда кайзеру Вильгельму будет уже наплевать на международные приличия, сам собой напрашивается обходящий удар через территории Бельгии и Люксембурга и стремительный марш на Париж с северного направления – оттуда, где у нас нет ни укреплений, ни войск. И не забывайте, что нам тоже нужно будет проводить мобилизацию. Как минимум полтора миллиона солдат из тех двух, что мы планируем бросить на фронт, надо собрать, обмундировать, вооружить, провести учения, и только потом их можно будет отправлять на войну.

Генерал Пикар замысловато выругался, отводя душу, а Аристид Бриан, немного помолчав, добавил:

– Есть сведения, что в том мире, откуда к нам пришли русский князь-консорт, месье Одинцов и другие, война началась точно по хотению наших ястребов-радикалов. Кровавые сражения длились больше четырех лет, северные департаменты были разрушены и сожжены, враг стоял прямо у ворот Парижа, и, несмотря на то, что Германия пала, сломленная превосходящими силами союзников и тяжестью идеальной экономической блокады, потери нашей милой Франции исчислялись одним миллионом убитых солдат и офицеров. Не слишком ли дорогая цена, господа, за Эльзас и Лотарингию, которые отошли к Франции по итогам той войны?

– А теперь, – сказал Стефан Пишон, – в том случае, если Национальное собрание не выдаст международному трибуналу месье Клемансо, генерала Пикара и полковника Дюпона, идеальная экономическая блокада грозит уже Франции. В случае отказа исполнить это требование с Французской республикой будут прерваны всякие торговые и транспортные отношения, наши торговые суда будут подлежать арестам в портах или захвату прямо в открытом море. На этом фоне необходимо ратифицировать дополнительное соглашение об обеспечении безопасности колоний и положение о том самом международном трибунале, который будет судить нашего любезного Жоржа (*Клемансо*) и его приятелей.

– Соглашение о безопасности колоний выгодно Франции, – подал голос министр колоний радикальный демократ-социалист Рафаэль Мильес-Лакруа. – Наши колониальные владения превышают даже те, что есть у Британии, и заботы об их безопасности доставляют нам немалую головную боль.

– Как вы можете рассуждать о безопасности колоний, месье Рафаэль, в тот момент, когда тираны требуют нашей крови? – вскричал Клемансо. – Франция в опасности, и если раньше ей угрожали только боши, то теперь к ним добавились русские и британцы. Если сейчас Национальное собрание поддастся на их шантаж, то в дальнейшем монархические державы обсуждение любого вопроса будут начинать с демонстрации санкционной дубины. То, что сработало один раз, будет действовать до скончания века. И вот тогда о наших идеалах, независимости и суверенитете можно будет просто забыть.

– Вы, Жорж, можете не переживать, – хмыкнул Луи Барту. – Депутатами Национального собрания у нас работает самая отборная человеческая дрянь. Эти люди подмахнут любое требование, если оно будет обеспечено солидной денежной суммой или внушительной угрозой. Провалившись со своим замыслом, вы перестали быть их кумиром, и они с легкостью предадут вас в окровавленные руки монархических ищек, особенно с учетом того, что им лично в таком варианте ничего не грозит.

– Как следует из послания русской императрицы, – сказал Стефан Пишон, – она знает, что месье Клемансо у нас настоящий тиран, по сравнению с которым любой монарх кажется белокрылым ангелом. Посему никому из министров этого кабинета, прямо не замешанных в запланированном злодеянии, не грозит ничего, кроме необходимости принести на судебном процессе свидетельские показания, после чего мы сможем продолжить свою политическую деятельность. Простите, Жорж, но с вами, кажется, уже все. Вы мечтали увидеть себя запечатленным в веках, как человека, победившего Германию и подарившего Франции реванш за Седан, а закончите как банальный уголовный преступник – с петлей на шее. Да-да, при тираниях людей вешают, и только при демократии им отрубает головы на гильотине.

24 сентября 1907 года. Заголовки ряда европейских газет:

Французская право-националистическая «**Эко де Пари**»: «Черный день Третьей Республики. Национальное собрание подавляющим большинством голосов постановило выдать Жоржа Клемансо, генерала Пикара и полковника Дюпона в руки объединенного монархического правосудия. Французская твердыня пала без единого выстрела».

Французская социал-демократическая⁹ «**Юманите**»: «Шантаж сработал. Устрашенные перспективой разорительных убытков Ротшильды оказали давление на депутатов Национального собрания, и те раболепно исполнили их волю. Теперь у нас новый-старый премьер Аристид Бриан, который послушно поведет Францию по пути, указанному ей из Петербурга».

Германская либеральная «**Берлинер тагенблат**»: «Наш любимый кайзер – гений. Германия присоединилась к Брестским соглашениям, которые обеспечат нам эпоху мира и поступательного развития».

Германская радикально-социалистическая «**Die Einigkeit (Единство)**»: «Трусливые лягушатники оказались устрешены даже не блеском германского оружия, а всего лишь угрозой прекращения торговли русским хлебом. Наследники Генриха Четвертого и Наполеона пали в грязь и ползают там пред ногами кайзера Вильгельма, короля Эдуарда и императрицы Ольги».

Британская консервативная «**Таймс**»: «Британские интересы в очередной раз оказались соблюдены, и для этого даже не понадобилось выводить в море королевский флот. Французский парламент послушно подмахнул совместные требования четырех монархов выдать международному правосудию зачинщиков запланированного цареубийства, невзирая на их чины и звания. И правильно – со своими монархами делайте что хотите, а чужих не трогайте».

Британская либеральная «**Манчестер Гардиан**»¹⁰: «Наш король верно сказал, что Британской империи нужен мир. Лучше давить врага экономическими аргументами, чем посылать на верную смерть честных английских парней. Соглашение об обеспечении безопасности колоний служит исключительно британским национальным интересам».

Российская «**Русские ведомости**»: «Правда восторжествовала. Кровавый интриган, ради своих мелких целей задумавший втянуть мир в кровавую ожесточенную бойню, в ближайшее время будет выдан в руки международного правосудия. Только своевременные и решительные действия российской Загранразведки позволили предотвратить гибель миллионов

⁹ Коммунистической газетой «Юманите» стала только после первой мировой войны.

¹⁰ С 1959 года называется просто «Гардиан».

русских, сербов, болгар, немцев и представителей других народов, сохранив в Европе хрупкий мир».

25 сентября 1907 года, 13:15. Париж, Бульвар Инвалидов.

русский поэт-символист, переводчик и эссеист Константин Дмитриевич Бальмонт

Как страшен оказался этот новый дивный мир, который принесли нам пришельцы из других времен... и как наивны были мы, считая, что нам удастся скрыться от него в Париже, Лондоне, и даже Нью-Йорке. Двадцатый век пришел к нам в скрежете металла и грохоте оружейных залпов, аккомпанирующих взрывающимся броненосцам. Это люди дела, аристократы огня и хорошо отточенной стали утверждали свое главенство над людьми слова и аристократами духа... Но одними несчастьями побежденной Японии наш ужас не заканчивался. Не успели в Маньчжурии умолкнуть пушки, как люди нового века объявились прямо в Петербурге. Каюсь, было дело – однажды я обозвал бывшего государя Николая Александровича «маленьким султаном»¹¹, но на самом деле по сравнению со своей страшенькой сестрицей он выглядит аки белоснежный голубь. По крайней мере, при нем, подавляя протест, из пушек по мятежникам залпами не палили¹². Нагайками или ножами шашек плашмя – это все же по-Божески...

Но самое страшное началось, когда попытку переворота подавили окончательно, после чего имперская безопасность принялась охотиться на инакомыслящих, и Петропавловская крепость взывала столами невинных. Такого ужаса, пожалуй, не бывало со времен ужасной памяти царицы Анны Иоанновны, когда господин Бирон управлял русской нацией при помощи кнута и топора. Последней каплей для таких, как я, стал арест милейшего господина Витте. Бежать, бежать! Бежать из Петербурга, не оглядываясь назад! И мы бежали, не дожидаясь тех времен, когда господин Мартынов, этот новый Малюта Скуратов, покончив с революционерами, чиновниками и банкирами, не взялся за поэтов. Ведь давно известно: поэт в России – больше, чем поэт...

Париж встретил нас сочувственными вздохами, а вслед, из Петербурга, должно быть, неслись проклятия, только мы их уже не слышали. Нас ждала свобода – свобода думать и говорить все, что захочется, а к редким известиям, доносившимся до нас с Родины, мы относились с недоверием, и даже с неприятием. Что хорошего может происходить там, где правят жестокие тираны, по делу и без дела пускающие в ход кулаки, нагайки и ятаганы?

Но не все были такими стойкими. Время от времени кто-нибудь из нас одолевало желание «съездить посмотреть» – и те, что ему поддавались, никогда более не возвращались в Европу. Они писали нам письма, в которых сообщали, что в России все хорошо, но мы знали, что эти послания написаны под принуждением жестоких палачей в казематах Петропавловской крепости – а потому жгли их, не читая.

Так мы и жили три года – вроде бы и на свободе, а на самом деле в самом жестоком плену собственных предубеждений. И европейская пресса, писавшая о России всяческие несуразицы, заковывала наши умы в дополнительные кандалы. Россия все это время жила какой-то своей, неизвестной нам жизнью, закрывшись внутри своих границ подобно гусенице, заматавшейся в кокон. Все это время она совершенно не вмешивалась в международную политику, так что о ней стали даже как-то забывать. А раз так, то парижское общество все больше и больше стала одолевать тревога по поводу германской угрозы. Если России нет, то кто теперь защитит Ля Белле Франс от злых прусских гренадер?

¹¹ Первое четверостишие: «То было в Турции, где совесть – вещь пустая, там царствуют кулак, нагайка, ятаган, два-три нуля, четыре негодая, и глупый маленький султан».

¹² Г-н Бальмонт утрирует. При подавлении мятежа Владимировичей до оружейной пальбы так и не дошло, да и из винтовок стреляли весьма ограниченно.

Поэтому пробуждение России к активной деятельности французы восприняли со вздохом облегчения, даже при том, что это действие было обставлено весьма шокирующими обстоятельствами. А как еще можно расценивать отмену всех без исключения положений Берлинского Трактата? Тридцать лет назад вся Европа артелью выкрутила руки деду нынешней императрицы, которой тогда и на свете-то не было, – и вот теперь молоденькая девчонка одним легким движением разорвала позорную бумагу... и весь европейский бомонд не мог вымолвить ни слова. Первыми поддались британцы, у которых были какие-то свои резоны, за ними послушно последовали французы, а германцев и вовсе никто ни о чем не спрашивал.

Как писали в парижских газетах, русская императрица на Брестской конференции разговаривала с французским президентом и его премьером, как строгая госпожа с проштрафившимися слугами. Могла бы и на конюшне выпороть, но не стала, потому что добрая. Французы приняли такой исход переговоров со смешанными чувствами. С одной стороны, Брестские соглашения гарантировали мгновенный военный ответ Британии и России на любое германское нападение, после чего парижане могли спать спокойно. С другой стороны, все прочие французские пожелания «сделать красиво» русская государыня проигнорировала в самой грубой форме. «Подписывайте, каналы, или проваливайте прочь, ждате в гости германских генералов, – сказала она. – Мне неинтересно, что вы там хотите или не хотите – вы либо делаете то, что я хочу, либо остаетесь наедине со своими проблемами». Давненько, а если честно, то и никогда Россия не разговаривала таким образом с европейскими партнерами. И что самое удивительное – британский король поддакивал не французской делегации, а русской императрице.

В тот раз все обошлось громкой газетной перепалкой и последующим бурлением в парламентских кишках, закончившимися сменой премьера с Аристиды Бриана на Жоржа Клемансо. Обычное дело для местной политики... За последние три года и без особых потрясений премьер-министры менялись тут уже раз пять. Но то, что случилось потом, не лезло уже ни в какие рамки. Я, собственно, не об очередной русско-турецкой войне. За последние двести лет к такому уже все привыкли. Немного удивляет только короткий срок, за который уложились русские генералы, да то, что на этот раз Османская Порта оказалась изничтожена до полного основания, а над руинами Стамбула, переименованного в Константинополь, взвились Андреевские стяги морского десанта, а также личные штандарты князя-консортера и нового болгарского царя. Человек, сам себя назначивший самовластным Цусимским князем, выучил, воспитал и повел в бой русскую армию, и в итоге одержал над исконным супостатом России оглушительную победу.

В этот момент наша эмигрантская компания разделилась на две неравные части. Одни, полные патриотических чувств, простили императрицу Ольгу и ее клеветников только за то, что те вознесли русскую честь на недостижимую высоту и спасли христианские народы Османской империи от висевшей над ними угрозы неспровоцированной резни, и таковых было большинство. Другие же еще больше возненавидели и нынешнюю русскую власть и «патриотов». Позицию таких хулителей наиболее полно высказал г-н Мережковский, сказав: «Если в России не может быть демократии, то и России тоже лучше не быть». Князя-консортера, человека новейшего происхождения, этот литературный деятель счел воплощением предсказанного им Грядущего Хама, о чем супруг г-жи Гиппиус и кричит на каждом углу, будто юродивый.

Между нами, «патриотами», и такими «хулителями», как г-н Мережковский, теперь война насмерть – мы не ходим в их дома, и это взаимно. Один пылкий юноша лет сорока от роду¹³ даже отхлестал г-на Мережковского перчаткой по лицу. Но вызова на дуэль не получилось, потому что на защиту своего супруга, будто орлица, с гортанными криками бросилась г-жа Гиппиус, отогнав нападавшего ударами ридикюля. Как говорится, и смех, и грех. Г-

¹³ В двадцать первом веке этого персонажа назвали бы диванным воином.

на Мережковского жалеть надо за то, что этот, несомненно, талантливый человек находится в плену чудовищных предубеждений, а не тыкать в него шпагой или стрелять из дуэльного пистолета.

Не вписывалось ни в какие рамки неудачное покушение на наследника австро-венгерского престола, случившееся в Белграде – главным образом потому, что это была не просто акция безумных сербских патриотов, готовых убить любого австрийца. Нет, как выяснилось, заказчиком и главным интересантом преступления, предотвращенного русской заграничной разведкой, оказалось Второе Бюро французской армии, откуда нить Ариадны привела дотошных следователей имперской безопасности прямо к месье Клемансо. Разумеется, этот факт поверг всех европейских монархов в ярость; из Петербурга французское правительство даже обозвали государственными террористами, однако французская публика костерила «Тигра»¹⁴ не за то, что тот впутался в это дело, а за то, что недостаточно тщательно замел следы, и попался на горячем.

В любом случае, все сходились во мнении, что выдавать французского премьера на международное судилище – это уже перебор. Если надо, французский суд сам осудит зарвавшегося политикана, а французский палач дернет за веревку гильотины... но никаким бошам, русским или британцам ничего подобного позволено быть не может. Когда стало известно, что французский парламент все же удовлетворил наглое совместное русско-германо-британское требование, Париж вскипел. На улицу без различия полов вышли все возрасты и все сословия, и в каждом парижанине бурлил возмущенный разум (или то, что его заменяет некоторым людям). Наэлектризованные толпы заполнили бульвар Инвалидов и Марсово поле, попытались взять штурмом Бурбонский дворец, где заседает Национальное Собрание, а также (наверное, заодно) и расположенное по соседству здание французского МИДа. Крики: «предатели!», что неслись в сторону правительственных зданий из уст возмущенных парижан, наверное, были самыми ласковыми из эпитетов. Остальные слова не стоит произносить в приличном обществе ни на языке оригинала, ни в русском переводе.

Все это было шумно, ярко, бестолково и бесполезно, потому что новой революции со штурмом Бастилии у возмущенных толп не получилось. Прибывшие по вызову солдаты, подкрепившие полицейских, видом обнаженных штыков и выстрелами в воздух оттеснили толпу от правительственных зданий в сторону Бульвара Инвалидов, где и позволили ей митинговать в свое удовольствие. Пар, как понимаю, должен выйти из разгоряченных голов вместе с криками и бурными аплодисментами самым зажигательным ораторам, из которых каждый второй – наверняка правительственный агент. Пройдет еще два-три дня – и все утихнет. А до тех пор нам, иностранцам, следует соблюдать определенную осторожность, потому что гнев толп против Российской, Германской и Британской империй может обратиться ненавистью к обыкновенным русским, немцам и англичанам. Такой уж тут европейский характер...

29 сентября 1907 года, 11:15, Австро-Венгерская империя, Вена, дворец Хофбург (Старый замок).

На этот раз на встречу были приглашены все монархи Европы вплоть до мельчайших, включая Бельгийского короля-выжигу Леопольда Второго, голландскую королеву Вильгельмину, греческого короля Константина, герцога Люксембурга Вильгельма, и даже князя Монако Альбера. Раньше малых сих не звали на подобные мероприятия, потому что все прекрасно складывалось и без них, но сегодня так уже было нельзя. При разговоре должны были присутствовать все съехавшиеся на похоронные мероприятия монархи Европы (за исключением вассальных), вне зависимости от размеров их государств.

¹⁴ Прозвище Клемансо.

Во-первых – превращение Брестских соглашений из документа антигерманской направленности в залог прочного общеевропейского мира требовало присоединения к нему даже самых мелких государств Старого Света. Две истекших недели шла тщательная подготовительная работа, утрясались позиции и делались мелкие уступки. Второй Венский конгресс, так же, как и первый, собирался определить будущее Европы не менее чем на пятьдесят лет вперед. И вот ведь что самое интересное: это будущее его авторам виделось исключительно как союз социально ответственных, христианско-консервативных монархий – и никаких республик, ударяющихся то в неумеренный либерализм, то в нацизм, то прямо в сатанизм.

Во-вторых – назрел и перезрел французский вопрос, а эти мелкие страны, за исключением Греции, либо расположены поблизости от главной возмутительницы спокойствия, либо непосредственно с ней граничат. С той поры как Национальное собрание под давлением обстоятельств минимальным большинством голосов решило лишить господина Клемансо неприкосновенности, подвергнуть аресту и выдать на суд, прошло пять дней, но поднявшееся по этому поводу бурление фекалий никак не утихало, и, более того, из Парижа перекинулось на другие города. Под звуки «Марсельезы» над толпами заколыхались алые транспаранты с лозунгами: «Свобода, Равенство, Братство» и «Не покоримся тиранам». Деятельность рептильного правительства Аристиды Бриана и напуганного президента Армана Фальера оказалась парализована, а радикальные газеты со своих страниц призывали «расширить и углубить политический процесс». А может, это так развлекаются люди полковника Баева, вводящие много о себе понимающих демократических деятелей в эпоху политической турбулентности.

Но даже без дополнительных подсказок правящий класс Третьей Республики вдруг почувствовал, что требование о выдаче попавшегося на горячем премьер-министра означает угрозу суверенитету и независимости Франции, а также принципу, в соответствии с которым демократически избранный лидер мог делать все, что похочет левая нога, ровно до тех пор, пока его не сменил другой такой же радикально-демократический оппонент. И насчет Венского монархического собрания в Париже все поняли правильно. Казалось бы, там хоронят древнейшего европейского ретрограда, всю жизнь исповедовавшего принцип «держат и не пущать» – а на самом деле имеет место заговор против демократически-республиканского будущего Европы. Еще немного – и Старый Свет застонет в тисках жесточайшей реакции.

Заседание монархов всея Европы открыл канцлер Российской империи.

– Итак, господа, – сказал он, – выдача господина Клемансо и его поделщиков, уличенных в заговоре по убийству милейшего Франца Фердинанда, откладывается на неопределенный срок. Несмотря на то, что Национальное собрание постановило отставить этого кадра с его поста, лишить неприкосновенности и выдать в руки международного правосудия, уличные возмущения препятствуют процессу экстрадиции. Дом, где под домашним арестом заключен господин Клемансо, осажден толпами воинствующих поклонников, при этом законные французские власти никак не могут, или не желают, повлиять на сложившуюся ситуацию. Помимо того, возбужденные толпы парижан совершили нападения на российское, германское, австро-венгерское и британское посольства во французской столице, при этом действия полиции свелись только к увещаниям и уговорам. Хотя нанесенный ущерб в основном ограничивается стенами, испачканными в краске, да оскорблениями, выкрикиваемыми в адрес дипломатов, совместная реакция пострадавших держав на эти буйные выходки должна последовать незамедлительно.

– О да! – воинственно воскликнул вскочивший со своего места кайзер Вильгельм. – Наглость лягушатников давно переходит все пределы! И если бы не придуманные вами Брестские соглашения, то мы бы знали, как разобраться с этими негодьями. Ха-ха-ха-ха! Раз-два – и в дамках.

– А вот этого, дядюшка, не надо, – тихо, но веско сказала русская императрица, – никакой войны не будет. Францию требуется унасекомить без единого выстрела. Еще чего не хватало –

из-за прегрешения кучки лиц завязывать бойню, в которой могут погибнуть тысячи или даже миллионы. И вообще следует прекращать эти ваши постоянные угрозы решать все вопросы силой оружия. Так и до беды недалеко. Раз-два – и на пепелище.

– На этот раз, – сказал князь-консорт Новиков, – французы так торопились устроить войну, что даже не озаботились предварительным удвоением армии мирного времени, настолько сильно посрывало им крыши ваше желание присоединиться к Брестским соглашениям...

– Как это можно удвоить армию, не проводя при этом хотя бы частичной мобилизации? – удивился британский король. – Таких подробностей своей истории вы моей Тори не рассказывали...

– Все очень просто, дядя Берти, – ответил князь-консорт, – для этого достаточно принять закон, увеличивающий срок службы с двух лет до трех, и одновременно на год понижающий возраст призыва. Таким образом, один возраст на год задержали, два вместо одного призвали – получается четыре призыва в строю. И вот ровно через десять месяцев после такой комбинации, когда молодой уже втянулся в регулярную службу, неожиданно, как по взмаху волшебной палочки, начинается Великая война. Ловкость рук, как говорится, и никакого мошенства. Мне просто удивительно, почему никто из соседей Франции не обратил внимания на такую примитивную галльскую хитрость, с точностью до месяца указывающую на дату начала войны... А потом «абсолютно внезапно» сербские «патриоты» убивают нашего друга Франца Фердинанда, после чего Австро-Венгрия нападает на Сербию, Россия начинает всеобщую мобилизацию, Германия объявляет войну России, Франция – Германии, Германский генштаб приводит в действие план Шлиффена, атакуя открытый французский фланг через бельгийскую территорию, а Британия, последний из гарантов бельгийского нейтралитета, не участвующий в боевых действиях, объявляет войну Германии. И вот воюют все. И, несмотря на то, что обходной маневр через Бельгию чуть было не привел к катастрофическим последствиям для французского командования, Франция – это единственная страна в Европе, которая готовилась к этой войне и хотела ее.

В ответ на эти слова германский кайзер разразился длинной замысловатой матерной тирадой, от которой присутствующим тут дамам (по-немецки понимали все) хотелось заткнуть уши и выбежать вон. Но у германского кайзера такая репутация, что замечание ему делать бессмысленно, остается подождать, пока у него не иссякнет запал казарменного красноречия.

Когда кайзер, наконец, выдохся и замолчал, императрица Ольга обвела присутствующих внимательным взглядом и сказала:

– Теперь вы понимаете, почему мы с таким дотошным вниманием следили за здоровьем и благополучием нашего друга Франца Фердинанда, а также за теми ужимками и прыжками, которые на арене международного цирка выделяли французские политики? Критический момент наступил, когда дядюшка Вилли пришел ко мне с идеей вместе с Австро-Венгрией присоединиться к Брестским соглашениям. После того как эта информация через германский МИД утекла в Париж, в головах у тамошних политиков бурно вскипели запасы дерьма, замещающие этим деятелям мозги, и они решили идти напролом...

– О да, Хельга, – сказал кайзер Вильгельм, – я уже сделал хорошую выволочку этому обормоту фон Чиршки, который развел в своем ведомстве шпионское гнездо. Мне уже доложили, что когда ты со своим канцлером задумываешь какую-либо каверзу, то все остается шито-крыто до самого конца, а из моих чиновников секреты утекают как из старого дырявого ведра.

– Это, Уильям, твои проблемы, – хмыкнул британский король, – давайте лучше решим, что мы будем делать с Францией, упрямо не желающей выдавать нашему правосудию мистера Клемансо. И вообще, я никак не пойму – у них там уже революция или уже нет?

– Поскольку ни о каком изменении общественной формации речи не идет, то революцией это явление назвать нельзя, – сказал канцлер Одинцов. – Слово «бунт» тоже подходит мало, поскольку не наблюдается обычных в таких случаях погромов магазинов, грабежей и беспорядков. По донесениям наших людей, большинство участников акций протеста принадлежат к так называемой «чистой публике», а армия и полиция только имитируют усилия по наведению порядка.

– Есть у нас такой термин – «имитация бурной деятельности», – добавил князь-консорт Новиков. – Господам французским депутатам под страхом санкций нельзя и не выдать своего бывшего премьера, и выдавать его тоже не хочется – ведь стоит им один раз выполнить подобное требование, и французский суверенитет превратится в некое подобие половой тряпки.

– И что же в таком случае положено делать? – немного раздраженно спросил австро-венгерский император Франц Фердинанд. – Если подобное сойдет с рук господину Клемансо, то кто может поручиться, что не найдутся желающие повторить его преступный замысел?

Императрица Ольга и король Эдуард понимающе переглянулись. За Великобританией в свое время трудами безумных политиканов тоже образовался подобный грешок, и только дядя Берти знает, что ему стоило заслужить прощение своей племянницы.

– Делать следует то, что положено, – сказала Ольга. – Торговая и транспортная блокада страны, укрывающей у себя международных преступников. Никаких торговых и финансовых операций с французскими банками и организациями. Арест французских судов в портах стран участниц Брестских Соглашений. Запрет на перемещение людей, за исключением иностранных подданных, которые должны иметь возможность покидать территорию Франции через пограничные переходы. Все это разом должно быть прекращено, как только господин Клемансо и его поделщики будут выданы в руки международного правосудия.

– Должен напомнить, – сказал король Эдуард, – что, помимо государств, чьи монархи присутствуют на этой встрече, Франция граничит со Швейцарской республикой и... побережьем Атлантического океана. Из Бреста, Нанта, Бордо или Байонны суда под французским флагом могут достичь портов Нового Света, что ставит под вопрос эффективность задуманной вами экономической блокады. Попытки блокады французского побережья некими объединенными морскими силами монархий ставит нас на грань того самого вооруженного противостояния с французской Третьей республикой, которого вы так хотите избежать.

– Плевать я хотела на эту республику, – откровенно сказала русская императрица, – видала я ее в гробу и в белых тапках. Ничего хорошего от нее Европе, кроме смут и разврата, нет и не будет. Брестские Соглашения при их внимательном прочтении защищают Францию от сухопутного вторжения на ее территорию, а вот в море, за пределами двенадцатимильной полосы прибрежных вод, их действие заканчивается раз и навсегда. Кстати, это касается не только Атлантического, но и Средиземноморского побережья. Морские перевозки из Марселя в порты Алжира и Туниса и обратно необходимо пресечь. До победного, так сказать, конца.

– Ах вот оно как... – сказал британский король. – Нет мира за этой чертой¹⁵?

– Да, именно так, дядюшка, – кивнула Ольга, – и вообще, раз уж мы тут все собрались, необходимо разразиться совместной декларацией против государственного терроризма. Никто из нас, ответственных монархов, сам не будет прибегать к таким методам в борьбе со своими противниками и конкурентами, и приложит все усилия к истреблению этого явления. С этой целью мы все должны обязаться арестовывать укрывающихся на нашей территории террористов и высылать их туда, где они нагрешили, для последующего суда и казни. И не смотрите на меня таким взглядом, дядюшка – в этом отношении ваша Великобритания особенно грешна...

¹⁵ В соответствии с этой формулой в семнадцатом и восемнадцатом веках европейские державы сражались за колонии в Америке и Ост-Индии, сохраняя между собой мир в Старом Свете.

или мы не знаем, что Лондон буквально кишит беглыми бомбистами и прочими подрывными элементами?

Британский король комически пожал плечами, будто говоря, что он-то ничего, но ушлые политиканы зачастую затевают свои комбинации, не ставя о них в известность своего короля, а потом получается нехорошо. Первый морской лорд может застрелиться, премьер – уйти в отставку; а королю, которому на чужом пиру похмелье, деваться некуда, приходится терпеть до самого конца.

– Я с вами согласен, дорогая Хельга, – сказал Франц Фердинанд после некоторой паузы, – разумеется, при том условии, что к этой декларации присоединятся наши горячо любимые славянские соседи с Балкан. Вот где террор цветет и пахнет, буквально на государственном уровне.

– Разумеется, мы присоединимся к этой декларации и будем выполнять ее условия со всем возможным тщанием, – потупив очи, произнесла королева Елена, – но и вы, дорогой сосед, должны преследовать тех своих подданных, которые то и дело издают кровожадные призывы перебить всех сербов или обратить их в рабство.

– А вот это особо важно, – сказала русская императрица. – Если мы хотим обратить Европу в территорию мира и спокойствия, то следует пресекать всяческие потуги развести пропаганду межнациональной и межрелигиозной ненависти и вражды. И отношения к французам это касается в первую очередь. Мы ведем борьбу не с народом Франции, а с зарвавшимися политиканами, которые решили, что раз уж они демократы, то им позволены любые мерзости и подлости. По-другому это нигилистическое учение распространяться не может. Поверьте, если сейчас мы не справимся с возложенной на себя миссией очищения, то лет через сто наши потомки будут проклинать свой ужасный отправленный мир.

– Мы знаем! – воскликнул кайзер Вильгельм, воинственно встопорщив усы. – Открытые содомиты, толпами разгуливающие по Берлину в самом непотребном виде – это мерзко, гадко и просто невообразимо! И вся эта зараза исходит из Парижа, это вертепа разврата и греха, где людей низводят до состояния животных. Было бы неплохо, если бы Господь поразил эту зловерное место своим огнем, превратив его в новые Содом и Гоморру!

– Господь добр, дядя Вилли, и желает не смерти грешника, но его исправления, – кротко произнесла Ольга. – И, кроме того, мы, его дети, должны сделать свою работу так хорошо, чтобы Творцу Всего Сущего не пришлось потом все разбрасывать свой огонь по городам и весям направо и налево. Грешно молить Господа о том, что должна делать хорошая полиция.

Выдержав продолжительную паузу, Ольге обвела взглядом монархов, затаивших дыхание, словно в ожидании новых откровений, и подвела итог:

– Я вижу, что возражений моим словам не имеется... Павел Павлович, дайте сюда заготовленные бумаги. Читаем, коллеги, и подписываем. Сегодня мы с вами творим историю – ни больше и ни меньше.

Часть 34

Вторая Балканская война

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.